ОИК

В. БЫСТРЯНСКИЙ

МЕНЬШЕВИКИ И ЭСЕРЫ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

ОИК
17г

В. Быстрянский

МЕНЬШЕВИКИ И ЭСЕРЫ

В

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

1232866

4-я Государственная Типография. Фонтанка, 57.

№3: чистая смен. 1917 г.

Р. В. Ц. Гиз. № 7071. Напечатано 25.000 экз.

Меньшевики и эс-эры в русской революции.

I.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая, — говорит Коммунистический Манифест,—а политическая борьба на известной стадии своего развития неизбежно приобретает форму борьбы партий. Партии являются представителями классов на политической арене, в них организуется передовая часть каждого класса. Партии ведут борьбу за интересы класса, формулируют его политическую программу, проводят ее в жизнь. Партии об'единяют в своих рядах наиболее дальновидных и сознательных людей представляемого ими класса.

В основе партийных группировок лежит таким образом классовое деление. По деятельности каждой партии можно проследить, интересы какого общественного класса она взялась защищать.

Капиталистическая эпоха, по выражению коммунистического манифеста, «упростила классовые противоречия. Общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих прямо друг против друга класса, буржуазию и пролетариат». Сообразно с этим складывается и партийное деление в капиталистическом обществе. На одной стороне стоят партии, выражающие интересы буржуазии, на другой — партия, защищающая нужды рабочего класса.

В капиталистическом обществе мы наблюдаем, однако целый ряд различных буржуазных партий. Это об'ясняется тем, что в пределах буржуазного класса можно различить разнообразные группы: получателей земельной ренты, промышленной прибыли, процентов с капитала, рыцарей биржи.—Взаимно-противоречивые интересы этих отдельных буржуазных групп и находят себе выражение в различных политических партиях. Только тогда, когда дело идет об отражении натиска рабочего класса, буржуазия сплачивается в одну реакционную массу, забывает о разделяющих ее раздорах и несогласиях, образуя единый фронт против грозного врага. Пролетарской партии, борющейся за освобождение рабочего класса, противостоит таким образом целая фаланга буржуазных партий, отстаивающих неприкосновенность частной собственности.

Однако, капиталистическое общество, раскалывая массу населения на полярно-противоположные классы с непримиримо враждеб-

ными интересами, на буржуазию и пролетариат, не дает нам возможности наблюдать этот процесс в чистом, законченном виде. Оно не доводит этой линии развития до конца. Несмотря на то, что роль мелкой буржуазии в процессе производства все более и более сводится на нет по мере развития капитализма, что она непрерывно пролетаризуется, — все же она не исчезает совершенно с исторической сцены, а сохраняет свое существование вплоть до момента завоевания власти рабочим классом и даже долгое время спустя после установления пролетарской диктатуры, после того как начался процесс преобразования капиталистических отношений производства в социалистические. Поэтому то условия существования мелкого буржуа, являющегося собственником своих орудий производства, находит свое отражение в образовании мелкобуржуазных политических партий на ряду с партиями, отстаивающими интересы крупного капитала и пролетариата. Существуют политические группировки, сплачивающие авангард мелкой буржуазии, их программа и тактика выражают намерения и вожделения промежуточных слоев общества.

С другой стороны, из нужд капиталистического способа производства рождается потребность в интеллигентных силах как для обслуживания процессов производства, — в техниках, инженерах, врачах,—так и для работы в механизме классового государства, по мере экономического развития все более расширяющего свои функции. Сыновья мелкой, а подчас и крупной буржуазии пополняют этот слой нового среднего сословия, непрерывно растущего в численности по мере роста капитализма. Однако, и работникам умственного труда капитализм в такой же малой мере может обеспечить постоянную работу и сносные условия существования, как и представителям физического труда. Поэтому все более значительное количество интеллигентов в буржуазном обществе постоянно находится на грани пауперизма, испытывает муки безработицы и рядом незаметных переходов связывается с пролетариатом. Порождаемая капиталистическим развитием интеллигенция, подобно мелкой буржуазии занимающая промежуточное положение между обоими великими общественными классами современности, буржуазией и пролетариатом, также является тем общественным слоем, из которого в настоящую эпоху вербуют своих адептов мелкобуржуазные партии.

Идеологами мелкой буржуазии по существу и являются наши меньшевики и эс-эры. Однако, они не решаются открыто высказать то, что есть, они выступают под флагом социализма, этой идеологии революционного пролетариата. Мало того они притязают на то, что они то и являются истинными выразителями интересов трудящихся.

И, действительно, им удается вводить в заблуждение кой кого из мало сознательных рабочих. Однако, как нельзя судить человека по тому, что он говорит о себе самом, так же нельзя принимать на веру и то, что говорит о себе какая либо общественная или политическая группа. Не по словам, а по делам познаем мы не только отдельных индивидов, но и классы и партии.

Политическая линия эс-эров и меньшевиков, постоянное шатание и колебание изобличают в них не сторонников революционного пролетарского социализма, а типичных идеалогов мелкой буржуазии, которая, по бессмертному выражению Карла Маркса, состоит «с одной стороны и с другой стороны».

Мелкий буржуа занимает двойственное промежуточное положение в капиталистическом обществе. С одной стороны он связан с буржуазией, ибо обладает средствами производства, хотя и мелкого, раздробленного, а с другой стороны, в отличие от крупной буржуазии, мелкий буржуа принимает непосредственное участие в производительном труде. Вот почему представители этого класса так часто питают надежды на возможность притупления антагонизма между трудом и капиталом, примирения классовых противоречий, борьбой которых движется современное общество. Таким образом соглашательская половинчатая идеология мелкобуржуазных партий является отражением промежуточного положения представляемого ими класса в капиталистическом обществе.

Нас не должно смущать слово социализм, которым как этикеткой, пользуются меньшевики и эс-эры: еще Маркс и Энгельс в коммунистическом манифесте указали на то, что бывает и «реакционный социализм»: как на разновидности этого течения они указали на «феодальный» и «мелкобуржуазный» социализм. Бывает и «консервативный» и «буржуазный» социализм и, наконец, критико-утопический социализм и наследник его—революционный социализм-коммунизм.

Социализм наших меньшевиков и эс-эров является одной из форм мелкобуржуазного социализма. Роль его в настоящую историческую эпоху, в момент решительной схватки между трудом и капиталом не только консервативна, но прямо реакционна. Представители мелкобуржуазного социализма становятся простыми орудиями контр-революционной буржуазии в ее борьбе против поднимающегося к власти рабочего класса. Не раз в истории представители враждебного пролетариату класса старались провести контрабанду своих идей под флагом революционной идеологии.

Отношение между литературными выразителями интересов какого либо класса и его экономическим положением превосходно сформулировано Карлом Марксом в его «18 брюмера».

«Не следует конечно, думать,—пишет он,—что мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что специальные условия ее освобождения суть в то же время те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом не следует думать, что все представители демократии—лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа их делает то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелкого буржуа, и потому

теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа. приводят практически его материальный интерес и его общественное положение».

Маркс говорит в своем сочинении о «Революции и контр-революции в Германии», что «в этой стране в конце 1847 г. вряд ли был хоть один выдающийся политический деятель среди буржуазии, который не провозгласил бы себя «социалистом» для обеспечения симпатии пролетарского класса».

Не так ли было и у нас в XX столетии? Не кокетничали ли одно время с социализмом даже и кадеты? «Этикетки», наклеиваемые на системы, тем отличаются от этикеток, наклеиваемых на другие товары, что они обманывают не только покупателя, но и самого продавца»; говорит в другом месте Маркс (Капитал, т. II).

Однако, вводить в заблуждение других, а иногда и себя относительно своей классовой природы возможно только в будни исторической жизни, в эпоху сравнительно спокойного, нормального развития. В праздники же истории, в периоды ее революционных кризисов, обнажающих до дна раздирающие капиталистическое общество классовые противоречия, выявляющих перед всем миром действительную природу классов, из которых слагается общество, невозможно сколько-нибудь длительное существование недоразумения относительно подлинного характера какой-нибудь партии. Расхождение между словом и делом становится явным и то, что раньше замечали немногие, более проницательные умы, становится ясным широким массам.

Так, великая катастрофа капитализма, какой явилась мировая война, вскрыла перед всем миром оппортунистическую, предательски-соглашательскую природу большинства социалистических партий, входящих во Второй Интернационал. В ярком зареве мирового пожара обнаружилось с ослепительной ясностью, что старая социал-демократия была по существу консервативной организацией, что она насквозь заразилась буржуазным духом, что из орудия освобождения рабочего класса она превратилась в орудие его порабощения. Эта истина, впервые вскрытая великой войной, была всецело подтверждена затем процессом выросшей из войны империалистской гражданской войны между пролетариатом и буржуазией.

Первые битвы мировой социалистической революции разыгрались в России и в ходе ее поступательного развития обнаружилась с непререкаемой очевидностью мелко-буржуазная природа партий, именующих себя социалистическими, всуе призывающих имя рабочего класса, но на деле бывших представителями мелкой буржуазии и поэтому, в критический момент роковой борьбы между старым и новым миром, обреченных играть роль орудия в руках старого против нового. Ход русской революции, этого первого этапа мировой социалистической революции, показал, что якобы социалистические партии меньшевиков и эс-эров являются социалистическими только по названию; когда революционный авангард пролетариата сделал попытку воплотить в жизнь идеалы социализма, эти партии оберну-

лись против него и соединились с силами старого мира, не желающими добровольно уйти с исторической сцены.

Меньшевики и эс-эры—этот русский отряд армии международного оппортунизма—ударного отряда буржуазии против рабочего класса, той силы, в которой слабеющий под напором рабочей революции капитал видит свое последнее спасение, свою ограду от социалистического переворота.

Меньшевики и эс-эры встречаются не только в России, наши соглашатели лишь российская разновидность международного оппортунизма. В Германии меньшевики называются шейдемановцами и независимыми, во Франции лонгетистами, в Италии реформистами.

В России в процессе революции яснее, чем в какой-либо другой стране, вскрылась подлинная сущность этих мелко-буржуазных партий, ибо только у нас классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, грохотом своих битв наполняющая нынешнюю эпоху всемирной истории, дошла до своей окончательной развязки, ибо в стране пролетарской диктатуры, где пролетариат захватил власть и удерживает ее свыше трех с половиной лет, впервые с неопровержимой ясностью вскрылось, что меньшевики и эс-эры оказались по ту сторону баррикады, что они очутились в стане помещиков и капиталистов, не оставляющих мысли о восстановлении старого строя, о возвращении к капитализму.

Поэтому то «русский опыт» и имеет мировое значение. Его данные в свою очередь всецело подтверждаются ходом развития пролетарской борьбы в других странах Европы и Америки. Русская революция подтвердила,—что об'ективная роль меньшевиков и эс-эров заключается в том, что они являются проводниками буржуазного влияния на пролетариат, стремясь подчинить его мелко-буржуазной идеологии. Буржуазия не может запречь рабочих в колесницу своих политических партий. Десятилетия развития капитализма и классовой борьбы во всем мире не пропали даром. Капиталисты знают, что невозможно рассчитывать на согласие рабочих добровольно подчиниться их игу. Поэтому они прибегают к тонко задуманному обману, этому «суррогату силы», по замечанию Ренана в его философской драме «Калибан»,—и под флагом социализма агенты капитала подбивают рабочих на измену своим собственным интересам, заставляют их предавать интересы своего класса, вести политику, об'ективный смысл которой заключается в укреплении расшатанного войной в его основах буржуазного строя.

Повторяем, революция сделала это явным для всех, ибо в критические моменты народной жизни, когда нужно было сказать ясно и определенно, на чьей стороне занимает место каждый борец, высказывается ли он за капитал, или за социализм, нельзя было уклониться от определенного ответа,—и меньшевики и эс-эры вынуждены были выявить свое подлинное лицо. Однако, их позиция в годы революции явилась лишь заключительным звеном долгого политического развития,—и критика мелко-буржуазной половинчатости и шаткости соглашателей, та самая критика, которую не уставали

развивать большевики за десятилетия до революции, оправдала себя целиком.

В сентябре 1907 года в предисловии к собранию своих статей «за двенадцать лет, о двух направлениях в русском марксизме и русской социалдемократии» тов. Ленин писал:

«Во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа—с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование более или менее ярко обрисованного правого крыла, которое в своих взглядах, в своей тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции мелко-буржуазного оппортунизма. В такой мелко-буржуазной стране, как Россия, в эпоху буржуазной революции, в эпоху первых зачатков молодой рабочей с.-д. партии эти тенденции не могли не проявиться гораздо резче, определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе».

Долгое время и у нас в России и в Западной Европе мелкобуржуазные тенденции уживались под кровом одной партии, одной политической организации с революционным крылом рабочего движения,—меньшевики образовали формальное единство с большевиками, впоследствии принявшими имя коммунистов. Неразвитое состояние классовой борьбы, наличность стоявшей перед пролетариатом задачи низвержения абсолютизма может служить основанием, почему в своем зародышевом состоянии эти разногласия не разорвали оболочки одной партии и не привели сразу же к организационному обособлению враждебных течений, происшедшему лишь впоследствии.

II.

Меньшевизм имеет долгую историю. Предшественниками его были так называемый «легальный марксизм» и «экономизм» в девяностых годах прошлого столетия и на рубеже двадцатого столетия.

В последнем десятилетии прошлого века в нашей легальной публицистике начали получать отражение идеи фальсифицированного по преимуществу марксизма. Эзоповский язык тогдашней литературы заставлял социал-демократов ограничиваться самыми общими положениями. Вот почему в борьбе с народничеством, этим разветвлением мелкобуржуазной идеологии, наряду с подлинными марксистами участвовали и просто буржуазные демократы подобные Струве и Булгакову, для которых, по выражению тов. Ленина, разрыв с народничеством означал переход от мещанского или крестьянского социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму. Ныне, как известно, г.г. Струве и Булгаков очутились в лагере у Врангеля. Нынешние вожди конституционно-демократической партии прикидывались тогда друзьями рабочих. Еще в 1895 году тов. Ленин в разборе известной книжки Струве «критические заметки» резко отмежевывал революционный марксизм от легального псевдомарксизма. Так от Струве и Булгакова начинается цепь, рядом промежуточных звеньев неразрывно связанная с современным меньшевизмом.

Мы уже говорили, что оппортунизм есть явление международное. Вот почему его историю в России нельзя понять вне связи с развитием того же течения в Европе. Так называемые экономисты, предшественники меньшевиков, являются учениками Бернштейна. Последний, как известно, в 1899 году выступил с книгой *), в которой он собрал все возражения, выдвигавшиеся когда-либо буржуазными профессорами против марксизма. Бернштейн увенчал здание своей «критики» своим знаменитым положением — «движение все, конечная цель ничто», так он выбрасывал за борт одушевлявший пролетариат социалистический идеал, и указывал ему, как на достижимую цель, на завоевание частичных реформ в рамках существующего общества. Наши легальные марксисты подхватили бернштейновские идейки, «экономисты» же поспешили приложить их в своей практической работе.

Очень интересны замечания о Бернштейне буржуазно-немецкого учёного Карла Диля.

«В результате его критика приходит часто к тем же выводам, что и буржуазная экономия, и несомненно, что исследования беспристрастных ученых критиков повлияли на изменение взглядов Бернштейна». (Социализм, коммунизм, анархизм, СПБ., 1906, 224).

«Бернштейн идеолог, и, благодаря этому, он как бы пропастью отделен от марксизма; и нет моста, который вел бы от одного мировоззрения к другому. Идеалистическая философия общественных явлений выступает наружу во многих местах Бернштейновской книги». (Ор. С., 231).

К последнему 10-летию прошлого века относится начало могучего под'ема экономической борьбы российского пролетариата, выразившегося в непрерывных стачках. Русские ученики Бернштейна из факта массовой стачечной борьбы рабочих умудрились вывести отрицание необходимости политической борьбы для рабочего класса, якобы не отвечающей достигнутому им уровню сознания. Экономисты считали нужным ограничиться агитацией лишь на почве сознанных массами экономических интересов. Рабочие пусть ведут экономическую борьбу,—говорили наиболее откровенные из экономистов,—а политическая борьба дело либералов. Отказываясь идти в своей агитации дальше осознанных массами ближайших интересов, злобы сегодняшнего дня, экономисты принижали, таким образом, сознание рабочей партии, этого передового отряда пролетариата, до уровня стихийного рабочего движения. Против экономизма вел упорную борьбу не только тов. Ленин в своей брошюре «Что делать», но и Плеханов, убедительно доказавшие, что уклонение от политических задач неизбежно ведет на практике к политическому порабощению пролетариата демократической буржуазии. Так, вслед за легальным марксизмом, экономизм был новой формой, в которую вылился на почве русской действительности международный оппортунизм.

---

*) Die Voraussetsungen des Socialismus.

Однако, с ростом революционного движения в первые годы XX столетия упорная борьба искровцев, как называли себя последовательные революционеры, с экономистами закончилась победой первых, экономизм стал терять одну свою позицию за другой, рабочие массы сами вступили на путь революционной борьбы с самодержавием. Вопрос о самостоятельной политической организации рабочего класса становился проблемой дня,—тут оппортунизм принимает иную, более скрытую форму.

На втором с'езде рабочей партии (она тогда называлась социал-демократической) в 1903 году, где была принята революционно-марксистская программа, где представители разрозненных до того рабочих организаций об'явили твердое решение отрешиться от организационного разброда и политического кустарничества и сколотить разрозненные силы социал-демократии для разрешения гигантских задач, поставленных перед рабочими массами нараставшей революцией, создать единую централизованную рабочую партию,—оппортунизм выступил в новой оболочке, как оппортунизм в вопросах организационных.

Второй с'езд положил начало размежеванию между большевиками и меньшевиками, тогда еще уживавшимися в рамках единой партии. Большинство искровцев поддерживало проект тов. Ленина, отличавшийся от проекта меньшинства тем, что требовал от членов партии кроме признания программы и материальной поддержки личного участия в одной из партийных организаций. «Большинство» уже тогда требовало, чтобы партийная организация не на словах, а на деле была бы действительно авангардом рабочего класса, включая в себя действительно сознательных его представителей,—чтобы тем самым положить конец шаткости и неустойчивости внутри партии, и дать ей тем возможность оказывать широкое, разно-стороннее, плодотворное влияние на окружающие ее элементы рабочих масс. Так как большевиков было на с'езде на один-два делегата больше, то и получилось название «большевики».

Уже на втором с'езде разногласия намстились и по вопросу об отношении к либералам, т. е. к буржуазии. Плеханов, шедший еще тогда вместе с большевиками, настаивал на разоблачении либералов в глазах рабочего класса, меньшевик же Потресов настаивал на формулировке определенных условий для соглашения с либералами, в подобной постановке вопроса уже содержалась в зародыше будущая политика коалиции.

Так уже на втором с'езде на ряде вопросов казавшихся мелкими, пустяковыми, намечалось столкновение двух коренных направлений в рабочем движении, которым через 15 лет после этого, в годы нашей революции, суждено было вступить в открытую борьбу друг с другом с оружием в руках, начать настоящую гражданскую войну. Из разногласий в организационных вопросах, представлявшихся на первый взгляд незначительными, выросли коренные расхождения в программе и тактике—большевики и меньшевики уже не могли долго уживаться в рамках единой организации.

В 1905 году, когда грянула первая русская революция, расхождение между мелкобуржуазно-интеллигентским флангом рабочего движения и его революционно-пролетарским крылом вырисовалась во всей его полноте. Разногласия между большинством и меньшинством перекинулись из сферы организационных вопросов в область тактики. Меньшевики видели в наступившей революции буржуазный переворот и делали отсюда тот вывод, что раз революция буржуазная, то и руководство в ней должно принадлежать буржуазному классу. Поэтому уже в 1905 — 7 году на тактику меньшевиков легла печать соглашательства с либеральной буржуазией. Они боялись доведения революции до конца, до захвата власти пролетариатом и его союзником революционным крестьянством, интересы которого толкали его на полную ликвидацию помещичьего землевладения и крепостнического государства. Меньшевики чуждались лозунга временного революционного правительства, выкинутого большевиками, они не переставали держаться парламентских иллюзий, безмерно преувеличивая значение мнимо-конституционных учреждений, вызываемых к жизни царским правительством в ходе революционной борьбы. Соответственно этому в 1905—7 году меньшевики в общем и целом были противниками лозунга вооруженного восстания и отказывались от работы над его технической подготовкой. Даже в момент массового революционного под'ема они готовы были использовать выборы в измышленную самодержавием фальсифицированную форму народного представительства—в булыгинскую думу. Формально, однако, в 1905—7 году с.-д. партия оставалась единой. В 1906 году в Стокгольме весною происходит об'единительный с'езд, на котором большевики остались в меньшинстве. На Лондонском с'езде в 1907 году большевики победили.

Однако, этот момент совпал с моментом поражения революции, торжеством Столыпина-вешателя над рабоче-крестьянским восстанием. Царистский министр покрыл всю Россию виселицами и военно-полевыми судами, обезкровил рабочий класс. Революция разбилась о слабую организованность крестьянства, выступления которого были распылены, и о недостаточную сознательность крестьянской части армии. На фоне этого временного поражения революции мелко-буржуазные интеллигентские попутчики рабочего класса выявили свое подлинное лицо. Оппортунизм, совершив эволюцию от легального марксизма через экономизм и меньшевизм, теперь принимает облик ликвидаторства. Это течение было одним из проявлений реакции, воцарившейся после срыва революционной волны. Царское правительство, пользуясь предательством либеральной буржуазии, ликвидировало первую революцию, отбило первый натиск рабочего класса на твердыни царизма и капитализма. И мелко-буржуазные интеллигенты, проводники буржуазного влияния на пролетариат, готовятся ликвидировать святая святых революции—созданную рабочими ценою гигантского напряжения сил и неимоверных усилий революционную подпольную организацию пролетариата. Меньшевики утратили веру в неотвратимость нового

революционного взрыва, неизбежность которого не переставали предсказывать большевики. Они уверяли рабочих, что эпохе революционных битв в России наступил конец, что ее корабль вступил, наконец, в тихие воды легального развития, что Россия уже фактически превратилась в буржуазное государство с парламентом в лице Третьей Думы, поэтому де не имеет смысла звать рабочих к новой революции, необходимо ликвидировать нелегальную партию,—существование которой могло быть оправдано только необходимостью подготовки масс к новому революционному под'єму. Меньшевики, превратившись в ликвидаторов, начали ожесточенную кампанию против революционных лозунгов рабочего класса, против демократической республики, конфискации земель, восьмичасового рабочего дня—рабочий класс должен ограничиться легальными формами борьбы, организацией для защиты своих интересов в рамках столыпинской законности, твердили меньшевики. И, действительно, первые годы после разгрома революции только они и могли пользоваться царской легальностью, недоступной для поборников революции—большевиков.

Жизнь, однако, и на этот раз смела, точно карточный домик, все построения меньшевиков, вопреки действительности мнивших себя реальными политиками, правильно учитывающими факты жизни и тенденции исторического развития. Не прошло и нескольких лет после торжества столыпинских палачей, как в нашей стране вновь повеяло живительным духом революции. Рабочий класс стал мало по малу оправляться от тяжелых ударов, нанесенных ему помещиками и капиталистами, и подниматься к новой борьбе. Маяком светившим ему в этих новых битвах служили не урезанные, половинчатые лозунги меньшевиков, перелицевавшихся в ликвидаторов, а непримиримые революционные лозунги большевиков. Уже с 1911 года в среде рабочего класса России повеяло новым духом. Расстрел нескольких сот рабочих на Лене в далекой Сибири 4/17 июля 1912 г. послужил сигналом к началу новой эпохи революционной борьбы, в которой главным орудием пролетариата стала массовая политическая стачка. Экономические забастовки переплетаются с политическими выступлениями, неизменно проходившими под лозунгами большевиков, под флагом знаменитых трех китов—демократической республики, конфискации помещичьих земель и восьмичасового рабочего дня, столь ненавистных меньшевика. Меньшевики думали укрепиться в легальном движении, окопаться в открытых организациях рабочего класса—профессиональных союзах, рабочей печати, страховых учреждениях. Однако, волна рабочего движения выметала их отовсюду, и повсеместно рабочие выносили на руководящие посты и в легальных организациях своих вождей—большевиков и в мрачную годину реакции оставшихся верными славным лозунгам рабочей революции. Буржуазные идеологи непогрешимым классовым инстинктом распознали, кто их враги и кто друзья. Если во времена революции 1905—1907 гг. буржуа охотно противопоставляли «культурных», «европейских», «просвещенных» меньшевиков варварским, диким,

азиатским большевикам, то в пору ликвидаторства и пережитого Россией перед войной революционного под'ема русская буржуазия и ее интеллигенция отдали все свои симпатии ликвидаторам, подтвердив таким образом слова большевиков о том, что ликвидаторы являются проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Массовое движение рабочих в России, руководимое выступившей под знаменем революции партией большевиков, шло в гору,—казалось, оно выльется в новое открытое восстание. Однако, мировая война, в которой разрядились противоречия мирового капитализма, оборвала цепь развития. Русской буржуазии, как и ее собратьям в других странах, удалось на время превратить русский рабочий класс в свое пушечное мясо для завоевания новых территорий, для открытия новых рынков, для захвата Константинополя и проливов. Царское правительство воспользовалось открытием военных действий для разгрома организаций рабочего класса, для внесения расстройства в его ряды. Были закрыты и рабочие газеты, и легальные организации. Вместе с этим буржуазная пресса усиленно принялась за обработку общественного мнения в патриотическом духе, требуя от рабочих, чтобы они во имя защиты отечества Романовых впряглись в торжествующую колесницу царизма и буржуазии и не за страх, а за совесть проливали бы свою кровь в империалистской войне.

И тут помещики и капиталисты нашли себе верных помощников—«холопов верных,—Яковов примерных»—в лице опортунистического крыла русского рабочего движения. Из ликвидаторов меньшевики превращаются в оборонцев. В то время, как большевики, вопреки всем преследованиям реакции, сохранили связь с рабочими массами и с самого начала войны продолжали нести свое революционное знамя, остались верны лозунгам братской солидарности рабочих всех стран, об'явили непримиримую войну войне и провозгласили задачей рабочего класса использование военного кризиса для собирания своих сил с целью нанести поражение правительству собственной страны, с целью захвата власти, русские меньшевики в преобладающей своей части последовали примеру большинства вождей западно-европейских социалистических партий—они выкинули лозунг защиты отечества в империалистской войне, несмотря на то, что в России, где власть стояла еще под эгидой Романовых, этот призыв звучал еще более странно, чем в Европе. Оборонцы призывали прекратить внутренние распри, «не противодействовать войне», а направить все усилия к беспрепятственному производству предметов военного снабжения, к содействию царской армии, к организации победы. Когда буржуазия приступила к созданию военно-промышленных комитетов с целью организации своих сил для приобщения к власти с одной стороны, а также для создания нового орудия воздействия на правительство с целью увеличения получаемых от него военных заказов, меньшевики оборонцы призвали рабочих вступить в эти учреждения, чтобы вкупе со своими эксплоататорами изыскивать наилучшие средства к обороне столь любезного сердцу меньшевиков

Романовского отечества. Всякие стачки в предприятиях, производящих военное снабжение, об'являлись меньшевиками прямым преступлением против родины, чуть ли не результатом действия немецкого золота.

Те немногие меньшевики, которые, подобно Мартову, встали на позицию платонического интернационализма и отмежевались от войны, не решались, однако, выступить с решительным осуждением своих, действовавших в России под флагом помощи войне, друзей, не призывали массы к решительной революционной борьбе, к использованию созданной войной ситуации в интересах революции.

Однако, меньшевики и на этот раз остались за флагом. Несмотря на преимущества легальности, любезно предоставленные им царскими слугами, их проповедь не имела никакого успеха в среде рабочего класса. Не даром Милюков в своей «Истории русской революции» вынужден был заявить, что «среди русских рабочих прививались идеи интернационализма, что среди рабочих масс, а затем и среди войска несравненно больший успех, чем оборонцы, имели сторонники Ленина». Действительно, только посредством грубого насилия и подтасовок удалось оборонцам совместно с правительством и буржуазией устроить комедию выборов представителей рабочих в центральный промышленный комитет в Петрограде, после того, как на первом собрании рабочие массы открыто отказались помогать братоубийственной войне. Вопреки всем увещаниям меньшевиков по адресу рабочих не мешать стачками накоплению громадных военных прибылей капиталистов, рабочие массы все чаще и чаще бросали работу и не только с целью борьбы с непомерно разросшейся дороговизной и усилившейся за время войны эксплоатацией труда,—пролетарии выступили под ярким политическим знаменем войны войне и революции под руководством своей революционной партии—большевиков.

Непрерывно нарастающая революционная волна нашла, наконец, себе завершение в февральской революции. Русские меньшевики за время войны, подобно своим западным собратьям, сочетали лозунг обороны страны с проповедью гражданского мира. Они открыто заявляли себя противниками революции. Их вождь, Плеханов, об'явил ее грезофарсом. Меньшевики, уже в период ликвидаторства выступавшие открытыми врагами революционной борьбы, за время войны подкрепили свою неприязнь к массовому движению еще новыми аргументами, утверждая, что гражданская война внутри страны облегчит победу внешнего врага. Однако, рабочие вновь не послушали своих дурных пастырей,—вопреки советам последних, грянула февральская революция и смела с лица русской земли вековой позор романовской монархии.

Однако, когда предсказанная большевиками революция вспыхнула, меньшевики-оборонцы, вкупе с либеральной буржуазией, решили использовать победу народа, чтобы ввести революционную стихию в рамки буржуазного переворота, чтобы не дать трудящимся самим вкусить плоды своей победы.

Рабочие и солдаты Петрограда, как и других городов, в первые же дни революции создали свой Совет по образцу революционных Советов 1905 года. Фактически Совет один обладал реальной властью в столице. Этого факта не могли отрицать и сами меньшевики. Один из них, Суханов, член первого исполнительного комитета Питерского Совета, в своих записках о революции признает, что «при капитуляции царизма именно Совет оказался хозяином положения. В его распоряжении находились все наличные рабочие организации, от него зависело пустить в ход ставшие трамваи, заводы, газеты и даже водворить порядок. «У вас сила и власть»,— говорил в первые дни революции представителям Совета Родзянко. «Вы, конечно, можете меня арестовать; может быть вы всех нас арестуете. Мы не знаем».

Однако, октябрист был слишком хорошего мнения об агентах буржуазии среди пролетариата. Родзянко и компания знали, что у них нет реальной силы, что Совет может сделать все, что захочет, но принадлежавшие к оборонцам руководители Совета, по словам того же Суханова, «поставили себе трудную задачу — отстоять цензовиков перед массами, перед Советом, обладавшим реальной силой». Вождь русской буржуазии, Милюков, по словам новожизненца, прекрасно понимал, что в полной власти Исполнительного Комитета, находившегося в руках оборонцев, — «дать власть цензовому правительству, или не дать», и он видел, где находится реальная сила. И, как оказывается, сам Милюков был крайне удивлен уступчивостью тех, кто вручил ему власть. По замечанию Суханова он и «не думал скрывать своего удовлетворения и своего приятного удивления».

Совет первого созыва, попавший в руки меньшевиков и эсэров, отказался от власти добровольно в пользу либеральной буржуазии. Меньшевистские руководители Совета допустили захват цензовиками выпавшей из рук царя власти.

До февраля 1917 года меньшевики доказывали невозможность революции. После того, как революция победила, они поставили себе целью помешать полной победе народа и старались внушить всем и каждому, что революция носит буржуазный характер, что пролетариат должен поступиться властью в пользу либеральной буржуазии, что он не должен стремиться раздвигать рамки революционного переворота. Этим предопределялась и тактика меньшевиков по отношению к Временному правительству, тактика сотрудничества с ним и поддержки его Советом Рабочих Депутатов, «без соглашения с которым, по замечанию Суханова, никакое правительство не может ни возникнуть, ни существовать».

Сам Милюков в своей «Истории второй русской революции» замечает, что «выпущенный буржуазией из рук принцип буржуазной революции приняли под свою защиту умеренные социалисты». Однако, это не спасло буржуазного владычества. Наоборот, как продолжает дальше вождь русского кадетизма, «эта двусмысленная позиция погубила их (соглашателей) во мнении рабочего класса и

чрезвычайно усилила левый фланг русского социализма — большевиков».

Но меньшевики в 1917 году не только продолжали линию поддержки либеральной буржуазии, придерживаясь устаревшей догмы о буржуазном характере революции, выдвинутой ими же в 1905—1907 г.г., они были вполне солидарны с русской буржуазией в том, что революция, выросшая из протеста народных масс не только против самодержавия, но и против войны, не должна мешать ее продолжению, что низвержение царизма не должно поколебать силы договоров, заключенных самодержавным правительством с империалистскими государствами Европы.

Меньшевики в своем подавляющем большинстве остались оборонцами, сторонниками продолжения грабительской войны, и после февраля 1917 года. Они поддерживали правительство Милюкова, несмотря на явно империалистический характер его внешней политики. Министр иностранных дел Временного Правительства Милюков, по его собственному признанию, «вел эту политику в духе традиционной связи с союзниками». Итак в вопросе о характере революции и в отношении к войне, меньшевики с первых же дней после февральской победы повели чисто буржуазную линию, солидаризируясь во всем важном и главном с империалистической буржуазией. Но массы свергли царя не для того, чтобы поставить на его место капиталистов, чтобы и впредь лить кровь в навязанной им империалистами войне. Соглашательская политика руководимого меньшевиками Совета неуклонному вела к росту недовольства народных масс, положение первого «революционного» правительства, состоявшего исключительно из представителей цензовиков,—если не считать Керенского,—становилось все более шатким.

Тут верные слуги буржуазии—меньшевики вместе с эс-эрами очутились перед необходимостью укрепить буржуазную власть путем введения в нее своих представителей. В коалиции буржуазия видела последний якорь спасения. Замена поддержки буржуазного правительства социалистами сотрудничеством их в буржуазном кабинете должна было дать буржуазии возможность укрепить свою власть и продолжать ведение войны, чего настойчиво требовали и союзные империалисты.

Таким образом, в своей политике коалиции и затягивания войны до победного конца меньшевики явились агентами не только российской, но и союзной империалистической буржуазии, творили волю не только отечественных, но и европейских биржевиков и банкиров.

Следуя директивам лондонской и парижской биржи, меньшевики и эс-эры инсценировали наступление 18-го июня, прервавшее наступившее на русском фронте после февральской революции затишье. Это наступление должно было доказать союзникам верность новой революционной России обязательствам, взятым на себя еще царем, с одной стороны, а с другой—укрепить реакцию внутри

страны, нанести удар «пораженцам», как именовали большевиков соглашатели.

Ведь народные массы все громче подымали еще голос против войны. Еще 20-го—21-го апреля в Петрограде, Москве и ряде других городов вспыхнули могучие демонстрации протеста против Временного Правительства, в своих «нотах» и «раз'яснениях» к ним говорившего о «решительной победе над врагом». И среди армии на фронте все сильнее проявлялась воля к миру. Между тем правительство, в котором были представлены и мелко-буржуазные партии, меньшевики и эс-эры, вопреки ясно выраженной воле рабочих и солдат, покорно вело патриотическую линию в угоду отечественному и союзному капиталу.

И вот правительство, в которое входили вождь меньшевиков Церетелли и бывший циммервальдец вождь эс-эров Чернов, с благословения меньшевистско-эс-эровского первого с'езда советов, дало знак к возобновлению кровопролития на фронте в тот самый день, когда почти полумиллионная рабочая и солдатская масса манифестировала в Петрограде против политики наступления.

18-го июня меньшевики и эс-эры завершили дело образования империалистско-военного блока с отечественными и союзными капиталистами. Однако, наступление и его позорный крах, неизбежный в виду того, что армия давно уже была разложена многолетней войной, нанесли решительный удар мелкобуржуазным руководителям. С 18-го июня их звезда начинает клониться к закату. Все более нараставшее недовольство рабочих положением вещей и вылилось в открытое возмущение,—когда в начале июля кадеты ушли из министерства, выбрав для этого момент начавшихся неудач на фронте, чтобы предоставить своим социалистическим коллегам одним нести ответственность за провал наступления. 3-го—5-го июля рабочие и солдаты Петрограда стихийно выступили под знаменем перехода всей власти к советам. В ответ на это меньшевики и эс-эры вызвали с фронта карательные войска, разоружили лучших бойцов революции, выпустили против большевиков удушливые газы гнусной клеветы, обвиняя их в шпионских услугах германскому империализму.

И вот, под влиянием уроков революции, неустойчивости и смятения среди правящих партий меньшевиков и эс-эров, не выполнивших ни одного завета революции, не давших земли крестьянам, не сделавших ни одного шага к миру, по всей линии капитулировавших перед контр-революцией, процесс революционизирования рабочих и крестьян идет вперед семимильными шагами. Партия большевиков делала все большие завоевания среди народных масс. Попытка верховного главнокомандующего генерала Корнилова захватить власть в конце августа 1917 года показала воочию, что меньшевистско-эсеровская власть лишь открывает двери генеральской реакции. Меньшевики и эс-эры очутились таким образом между двумя жерновами: между лагерем буржуазно-помещичьей реакции с партией народной свободы во главе и лагерем революционного проле-

Государственная историческая библиотека

тариата, и в борьбе этих двух решающих сил их об'ективная роль свелась к пособничеству контр-революции.

«Вся власть советам» — лозунг, против которого так упорно боролись меньшевики и эс-эры, приобретал все большую популярность у масс, под этим знаменем и совершилась октябрьская революция. Временное Правительство с заседавшими в нем представителями меньшевиков и эс-эров было низложено и образовано рабоче-крестьянское правительство России.

Меньшевики не переставали поддерживать буржуазию в течение 8-ми месяцев, отделяющих февраль от октября, так же как они шли вместе с нею и во время войны. Затем меньшевики вместе с кадетами, с черносотенцами, с эс-эрами проявили резко отрицательное, враждебное отношение к октябрьскому перевороту, к великой революции рабочих и крестьян. Люди, именовавшие себя социалистами, были готовы поддерживать власть буржуазии, но приходили в бешенство, когда увидали, что власть очутилась в руках пролетариата. Пособники диктатуры буржуазии оказались непримиримыми врагами диктатуры пролетариата. Сторонники продолжения империалистской войны не могли примириться с властью, первым шагом которой было предложение честного справедливого мира всем народам и ряд практических шагов к заключению мира на западном фронте. В своем воззвании 25-го октября Петроградский Комитет меньшевиков - оборонцев назвал великую революцию «преступлением». 26-го октября Центральный Комитет меньшевистской партии признал захват власти большевиками—«узурпацией прав народа». Меньшевикам вторили и социалисты-революционеры, народные социалисты и трудовики.

Меньшевики были с Керенским и Красновым, когда в начале ноября 1917 года те вели казачьи полки на революционный Петроград, меньшевики и эс-эры поднимали юнкеров против советской власти, а образованный меньшевиками и эс-эрами в Петрограде «Всероссийский Комитет спасения родины и революции» призывал чиновников к саботажу. В слоях мелкобуржуазной интеллигенции господа меньшевики и эс-эры нашли социальный базис для своей контр-революционной работы.

С первых же дней после октября меньшевики и эс-эры в трогательном согласии со всей буржуазией не переставали утверждать, что советская власть не просуществует и несколько дней, что правительство захватчиков и узурпаторов, вынесенное к власти солдатскими штыками, окажется недолговечным. Рабочему правительству, открыто заявлявшему себя властью пролетарской диктатуры, меньшевики противопоставляли фальшивые лозунги демократии. В трудные минуты, когда взявшему власть рабочему классу приходилось бороться с саботажем подуськиваемой меньшевиками интеллигенции, отражать вооруженный натиск сил контр-революции на юге, вести борьбу с бандами Каледина, меньшевики открыто стояли в лагере врагов революции. Левое крыло меньшевиков вынуждено было назвать своих правых товарищей по партии—«союзниками казачьего

генерала Каледина в его борьбе против пролетарских масс». Сам Дан на страницах меньшевистской прессы признал тогда прогрессивным фактором борьбу украинской мелко-буржуазной национальной Рады против советской России, под флагом сепаратизма старавшейся воздвигнуть плотину против надвигавшейся из Великороссии волны социальной революции.

Тяжелая и упорная борьба за мир в Бресте с вооруженным до зубов германским империализмом наталкивалась на злобную критику со стороны меньшевиков. В борьбе российской коммуны против российского Версаля меньшевики оказались в стане последнего.

В трудные дни германского наступления на Петроград, в конце февраля 1918 года, меньшевистские газеты в Петрограде не скрывали своей радости по поводу представлявшегося им близким уже низвержения власти большевиков, падения рабочих и крестьян от руки германского империализма.

Когда в силу безвыходной международной обстановки, в силу отсутствия непосредственного отклика на русскую революцию на западе, советская Россия вынуждена была подписать насильнический Брестский мир, меньшевики вкупе с эс-эрами присоединились к хору всей буржуазии, оскорбленной в своих патриотических чувствах договором, отторгавшим от России земли, в свое время награбленные русскими царями.

«Назад, к капитализму»,—таков был лозунг, выкинутый на страницах петроградской меньшевистской газеты «Новый Луч» в мае 1918 года.—«Лучше культурный капитализм, чем красногвардейский социализм»,—торжественно восклицал тогда же Дан в Москве. Меньшевик Колокольников на одном из с'ездов открыто выразил надежду, что голод свалит, наконец, ненавистную ему советскую власть.

С середины 1918 года усилилась открытая борьба реакционного генералитета и офицерства против власти рабочих и крестьян. Оккупация Украины германским империализмом, инсценированное Антантой при поддержке эс-эров и меньшевиков чехо-словацкое восстание привели к отрыву советской России от ее богатых хлебом и сырьем окраин. Это повлекло за собой тяжелый продовольственный кризис в промышленных центрах. И вот с 1918 года меньшевики усвоили тактику возбуждения масс против советской власти. Они играли на вызванной войной разрухе, усиливаемой политикой контр-революционеров—на голоде, чтобы отвратить симпатии рабочих от власти советов, чтобы вернуть их в лоно капиталистической демократии.

Когда с середины 1918 года антантовские агенты приступили к организации заговоров на территории Советской России и границы Республики начали превращаться в один беспрерывный фронт, меньшевики сплошь и рядом оказывались в рядах белых армий и с оружием в руках боролись против рабочих и крестьян, взявших в свои руки власть. Так было в Поволжье, в Казани, на Юге, в Архангельске.

Когда на возвращенных под железную пяту капитала территориях образовался ряд местных правительств, как сибирское и самарское, представители меньшевиков вместе с эс-эрами неизменно занимали там места. Так членом самарского правительства комитета Учредительного собрания был известный меньшевик Майский.

В великой борьбе между пролетариатом и буржуазией меньшевики оказались по ту сторону баррикады, не только словом, но и делом боролись они с первой социалистической Республикой, не только оружие критики, но и критика оружия пускалась ими в ход, чтобы свергнуть ненавистную им советскую власть.

В то же время заграничные представители партии, вроде Аксельрода, не отступали перед самой гнусной клеветой, перед самыми злобными нападками, чтобы дискредитировать республику трудящихся в глазах западно-европейского пролетариата, чтобы помешать росту революционного движения в Европе, развивавшегося под знаком помощи советской России.

Такова была политическая линия меньшевистской партии после октябрьского переворота. В общем и целом за три с половиною года отделяющих нас от него она осталась верной своей позиции непримиримой борьбы против советской власти. Менялись только формы и методы этой борьбы, но признать революцию меньшевики неизменно отказывались. В 1920 году в заграничной газете «Репюблик-Рюсс» Аксельрод сделал справедливое замечание, что меньшевики никогда не отказывались от борьбы против советской власти.

Мелко-буржуазная природа партии сказывается в ее непрестанных шатаниях и колебаниях. У нее нет определенной выдержанной политической линии. Она беспрестанно колеблется между различными решениями. Если левое крыло ее иногда как будто проявляет склонность к «соглашательству» с большевиками, то правое открыто, без всякого стеснения солидаризируется с белыми генералами. Однако, в трудные минуты для советской власти, во время нападения Колчака, Юденича, в момент обострения продовольственного кризиса, меньшевики никогда не упустят случая использовать критический момент, чтобы нажить себе капиталец, чтобы, играя на струнке усталости рабочих масс, восстановить их против советской власти, соблазнив прелестями капиталистической демократии, столь любезной сердцу мартовцев.

Главным базисом меньшевиков является мелко-буржуазная интеллигенция, которая органически не может переварить власти «черного народа», правительства мозолистых рук, которая вздыхает по потерянному раю капиталистического строя, открывавшего блестящие перспективы квалифицированной интеллигенции. От времени до времени, «в минуту жизни трудную», к меньшевикам склоняют свой слух и некоторые отсталые слои рабочего класса, не совлекшие еще с себя ветхого мелко-буржуазного Адама, не расставшиеся с мещанскими предрассудками, не преодолевшие буржуазной идеологии,— этой силы остающейся могучей и живучей в современном обществе,

даже и после того, как буржуазия терпит поражение в открытой борьбе, и вынуждена уступить власть своему антагонисту.

Вспомним, что власть буржуазии зиждется не только на голом физическом насилии, не только на штыках или пушках, может быть еще более надежным оплотом ее господства является могучая сила традиции, идейного воздействия на массы, ибо вся буржуазная культура насквозь пропитана индивидуалистическими, частно-хозяйственными началами.

Вот почему буржуазная идеология держит у себя в плену еще многих и многих представителей пролетариата, которые не могут сразу разорвать с идеями, внушаемыми им их классовым врагом. И последнее прибежище буржуазии в борьбе с рабочим классом, в ее стремлении предотвратить наступление пролетарской революции являет собой белая социал-демократия. Буржуазия знает, что рабочие не поверят тем партиям, которые открыто пишут на своем знамени защиту ее интересов, которые прямо и откровенно отстаивают диктатуру капитала. В интересах буржуазии лежит, чтобы ее привилегии отстаивались более прикровенным способом,—чтоб это делалось под флагом защиты интересов рабочего класса, людьми, именующими себя социалистами, выдающими себя за радетелей рабочих интересов, за печальников за народное дело. Им рабочие поверят скорее, чем открытому защитнику частной собственности, апологету капитала. Роль агентов буржуазии играют у нас меньшевики.

Отсутствие прочного единства и крепкой партийной дисциплины является отличительным свойством всех мелкобуржуазных партий, в том числе и меньшевиков. Переходное положение мелкой буржуазии в современном обществе, ее расплывчатость и бесформенность проявляются и в деятельности представляющих ее политических партий.

Пролетариат строит свою коммунистическую партию на основах железной дисциплины, называемой ее врагами подчас «адской», партия пролетариата—рабочая коммунистическая партия представляет действительно боевую организацию, способную к планомерной и организованной борьбе, приспособленную для ведения гражданской войны. В этих свойствах коммунистической партии отражается психология пролетарского класса, вырастающая из его положения в производстве в капиталистическом обществе. Крупная фабрика сама сплачивает, организует и дисциплинирует массы, учит их понимать значение действия скопом, внедряет в умы рабочих мысль, что сила только в совместных, солидарных, дружных, организованных действиях. Эти качества пролетариата, вырабатываемые в нем капиталистическим способом производства, он переносит и в свою партийную политическую организацию и строит ее по своему образу и подобию.

Не то у меньшевиков. В рядах этой мелко-буржуазной партии, царит расплывчатость и бесформенность, наблюдается громадная амплитуда колебаний от открытого сотрудничества с белыми генералами до платонического признания Советской власти. В то время,

как левые меньшевики в критические минуты для Советской России на словах прокламировали свою решимость оказать ей поддержку, как то было во время наступления Деникина, а также в момент польской войны, другие члены той же партии, подобно Розанову в Петрограде, оказывались замешанными в белогвардейском заговоре, который должен был открыть Юденичу ворота Петрограда. Твердой политической линии, единства тактики напрасно стали бы искать в рядах меньшевиков. Малорусские, кавказские, украинские, сибирские меньшевизма отнюдь не согласовали своего поведения. идейные руководители меньшевиков не в состоянии были дать какого-либо удовлетворительного ответа на этот вопрос. Вместо точных и ясных партийных решений, обычных в партии революционного пролетариата—большевиков, где нарушители партийной воли неизменно исключаются из партийной среды, меньшевики отделывались ничего незначащими фразами, «что лица, помогающие Деникину и Колчаку, тем самым ставят себя вне партии», однако тщательно остерегались сами исключать их из своих рядов. Настоящий «парламент мнений»,—вот что представляет собою меньшевистская партия, отражая в расплывчатости и шаткости своей тактики зыбкость той мелко-буржуазной интеллигентской среды, соками которой питаются ее корни.

Любопытным фазисом в истории меньшевизма является грузинская меньшевистская республика, просуществовавшая около трех лет—с 1918 по 1921 год, пока она не была сметена народным восстанием, приведшим к установлению в Грузии Советской власти. После того, как лидеры российского меньшевизма, кавказцы Чхеидзе и Церетелли, потерпели фиаско на общерусской политической арене в 1917 году, после того, как позорно обанкротилась их политика коалиции с буржуазией и поддержки империалистской войны и от них окончательно отвернулись народные массы, после того, как их попытка насадить в России буржуазную демократию под флагом социализма потерпела неудачу, они отправились к себе на родину в Грузию учреждать демократическо-социалистический меньшевистский Эдем. Здесь меньшевики воспользовались тяжелым положением Советской России, очутившейся в начале 1918 года под ударами австро-германского империализма и вынужденной согласиться на подписание Брестского мира, чтобы провозгласить самостоятельность и независимость Грузии, чтобы отторгнуть ее от России. Об'ективный смысл этого шага состоял в том, что грузинские меньшевики, до рабочей революции в России высказывавшиеся против принципа права наций на отделение, решили отгородить Грузию от надвигавшегося из Советской России вихря социальной революции; под флагом мнимой государственной самостоятельности, прикрывавшей подчинение страны сначала интересам германского, а затем союзнического империализма, они рассчитывали сохранить там столь дорогие им начала основы капитализма.

С первых же шагов меньшевики задались целью явить миру пример того, как можно достигнуть социализма без классовой и партийной

диктатуры, без террора, мирным демократическим путем, на радость Каутскому и Вандервельде, во славу II Интернационала. Без крови, без насилий обещали они осуществить социалистический строй, рождавшийся в Советской России в тяжелых муках гражданской войны.

Однако «социал-демократической республике», с первых же дней ее существования пришлось вступить в ожесточенную борьбу с грузинскими рабочими и крестьянами, головы которых оказались недоступны для меньшевистской премудрости и которые прониклись твердым решением последовать примеру своих русских братьев и осуществить социализм не на словах, а на деле, путем уничтожения помещичьего землевладения, путем ликвидации пережитков феодализма и капитализма. Все три года существования Грузинской республики были эпохой непрерывной гражданской войны ее правительства с трудящимся населением Грузии. Меньшевики стали палачами грузинских рабочих и крестьян. Пресловутая «народная гвардия» Джордания и Церетелли несла на себе «тяжелый крест», по выражению ее вождя бывшего большевика Джугелли — грузинского Носке—крест усмирения рабочих восстаний. Иначе и быть не могло, ибо демократические методы грузинских меньшевиков на деле оставляли земли за помещиками, банки, фабрики и заводы за капиталистами, а меньшевистское правительство Грузии являлось покорным орудием в руках союзных империалистов.

Меньшевистская демократия не могла бы своими силами выдержать борьбы с мощным рабоче-крестьянским движением. Для этого ей пришлось воспользоваться сначала поддержкой германского, а затем и союзного империализма. Под эгидой сначала германских, а потом английских и итальянских войск меньшевики насаждали на Кавказе свой демократический рай. Но с той поры, как последний чужеземный солдат покинул территорию Грузинской республики, участь этой обетованной земли II Интернационала, куда его герои с Каутским во главе,—эти новые аргонавты,—отправились в поисках за золотым руном демократического социализма,—была решена. Победа рабочих и крестьян Грузии стала неизбежна,—дни господства меньшевиков были сочтены.

История меньшевистской Грузии показывает, что тогда, когда меньшевики стоят у власти, они вынуждены поступать вопреки неисходящим с их уст фразам о демократии, мирной эволюции к социализму, что и они прибегают к террору, но не красному террору против помещиков и капиталистов, а к белому террору против рабочих и крестьян.

Пример Грузии, так же, как и господство шейдемановцев в Германии в 1918 — 21 г., доказал, что «социал-демократическая» власть является лишь одной из форм, в которые облекается диктатура капитала, что и социал-демократические министры являются такими же прикащиками капитала, как и представители буржуазных партий, открыто стоящих на почве капитализма. Меньшевистская Грузия явилась орудием интриг союзных империалистов против Советской России. На ее территории неизменно находили приют бежавшие из Совет-

скойРеспублики контр-революционеры, там ковались заговоры, направленные к установлению старого порядка в сопредельных с Грузией областях, где уже победила революция, там работали азербейджанские, дагестанские, казацкие контр-революционеры под верховным руководством антантовской агентуры.

Накануне падения меньшевистской Грузии ее правители превратили ее в главное звено задуманного антантовским империализмом нового плана создания против Советской России нового фронта. «Социалистическая демократия» должна была явиться базой для низвержения власти рабочих и крестьян на Кавказе.

Однако революция расстроила расчеты европейских империалистов и их меньшевистских подголосков, и в феврале 1921 г. восстание рабочих и крестьян в Грузии смело социалистическую на словах, буржуазную на деле меньшевистскую власть.

Социальная база меньшевизма — этой русской разновидности международного оппортунизма—отличается от базы последнего в Европе и Америке. Там на ряду с интеллигенцией и некоторыми слоями мелкой буржуазии главной массой, в среде которой оппортунисты рекрутируют своих адептов, является рабочая аристократия, тонкий верхний слой квалифицированных рабочих, подкупаемый капиталом, делящимся с ним долей своих прибылей, и отрываемый им тем самым от армии борющегося пролетариата. На ряду с рабочей аристократией опорой меньшевиков является также крайне многочисленная бюрократия партийных и профессиональных организаций, создавшаяся в течение десятилетий мирного органического роста рабочего движения. Партийные и профессиональные чиновники (функционеры), находятся там в относительно благоприятных по сравнению с рабочей массой условиях существования, их личное благосостояние тесно связано с «нормальной» эпохой капитализма и потому по всей своей психологии они являются органическими противниками всякой ломки, которая вносит расстройство в мирное течение общественной жизни.

Условия экономического и политического развития России, не знавшей эпохи открытого существования массовых политических и профессиональных организаций пролетариата в пору экономического и политического господства капитала, перескочившей непосредственно от царского самодержавия и диктатуры помещиков, подавлявшей все проявления самодеятельности народных масс, в период пролетарской диктатуры, не дали возможности образоваться слоям партийной и профессиональной бюрократии, которые были бы заинтересованы в сохранении status quo, условия жизни которых воспитывали бы в них вражду к мысли о его резком, насильственном изменении.

С другой стороны и русскому капиталу не пришлось развратить какие бы то ни было группы рабочего класса, ибо его высокие прибыли проистекали не из победоносной конкуренции на мировом рынке, как было с английским и германским капиталом, порождались не высотой производственной техники и не монопольным положением на рынке, которое давало бы возможность и диктовало

бы необходимость делиться излишками сверхприбыли с частью рабочих масс с целью противопоставить их верхи низам,—а вытекали из неограниченной эксплуатации дешевой рабочей силы, из безраздельного господства русского капитала на внутреннем рынке, ограждаемого от иностранной конкуренции высокими таможнями протекционными пошлинами, зиждились на правительственном покровительстве, на прямых подачках и субсидиях царского правительства капиталистам. С другой стороны, за оградою правительственного аппарата царизма русские буржуа чувствовали себя так спокойно от натиска народных масс, что им и в голову не приходило следовать маккиавеллистическому правилу европейских капиталистов divide et impera (разделяй и властвуй).

Поэтому, как в эпоху борьбы за власть, так и в период пролетарской диктатуры русский рабочий класс в общем и целом выступал в борьбе против капитала единым фронтом, из его среды не могла выделиться группа рабочей аристократии, наоборот, наиболее квалифицированные и лучше всего оплачиваемые его слои— металлисты, являлись застрельщиком в революционных выступлениях пролетариата. Все его отряды храбро боролись под знаменем пролетарского коммунизма. Меньшевики имели влияние по преимуществу в тех районах, где преобладала мелкая промышленность, где еще держалось мелкое ремесленное производство, где тесна была связь рабочих с деревней, не позволявшая им изжить мелко-буржуазных предрассудков, как на западе и юге России, на-Дону, Украине, на Кавказе. Сколько-нибудь сильного влияния на массы в крупных промышленных центрах России и центральном промышленном районе меньшевики никогда не имели ни до октябрьской революции, ни тем более после нее.

Нужно отметить еще один фактор, служащий об'яснением, почему меньшевистские волынщики иногда встречали внимательную аудиторию. Дело в том, что за время войны и рабочей революции, социальный состав пролетариата в России — как и во всем мире— значительно изменился, в его ряды хлынули целые категории пролетаризированных мелких собственников, лишенных своего состояния в процессе войны, а еще более в ходе убившей капитализм рабочей революции. Эти то элементы с их мелко-буржуазной психикой, с их чаяниями о возвращении старины двинулись на наши фабрики и заводы, в то время как лучшие люди пролетариата — коммунисты после октября ушли отчасти на советскую работу, на дело управления государством, сражались и умирали на бесчисленных фронтах, защищая дело рабочих и крестьян от наседавших на республику несметных врагов. Эти то мелко-буржуазные элементы, не успевшие еще свариться в фабричном котле, не переработанные еще пролетарским ядром, не успевшие еще усвоить классовой психологии пролетариата, явились подходящей аудиторией для меньшевистских и эс-эровских крикунов.

Однако по мере укрепления Советской власти в России, возрождения ее народного хозяйства, улучшения положения пролетар-

ской массы станет неизбежным и перелом в психологии пролетаризированных мелко-буржуазных слоев населения. Тем самым у меньшевиков все более будет выбиваться почва из под ног, они будут терять последние остатки влияния на рабочий класс.

Пропаганда и агитация меньшевиков и эс-эров является проявлением все той же «мелкобуржуазной стихии», в обстановке которой, по выражению Ленина, развивается русская революция. Это результат громадной численности в России мелко-буржуазного населения, в чем выражается сравнительная экономическая отсталость страны и слабое по сравнению с Западной Европой развитие в ней капитализма. Меньшевистская и эс-эровская партии — это наследие до-реформенного общественного уклада. Наличность их в настоящую эпоху является симптомом того, что мы далеко еще не закончили работы по социалистическому преобразованию России, что мы закладываем только первые камни в храме коммунизма, мы только приступаем к работе по воссозданию ее хозяйства на новых началах.

Чем успешнее будут идти социалистическое преобразование, чем крепче будет становиться пролетарская диктатура, чем более прочные корни будет пускать в почву хозяйства России новый способ производства, изменяя все обусловленные им общественные отношения, ломая старый быт, тем скорее будут отмирать корни меньшевиков и эс-эров, тем быстрее выветрятся мелко-буржуазные течения, тем успешнее будет освобождаться пролетариат от буржуазного влияния, проводимого в его среде мелкобуржуазными идеологами.

Крупная буржуазия убита в Советской России, она исчезла с политической авансцены, ее обломки скопились заграницей в белой эмиграции. Мелкая буржуазия у нас еще сильна. Она еще царит в деревне, она существует еще и в городе. Сознание и здесь следует за бытием. Мелко-буржуазная идеология, идейное отражение мелко-буржуазной стихии не теряет еще власти над умами.

Но подобно тому, как в экономике из товарного производства рождается капитализм; как из мелкой буржуазии непрестанно рождается крупная буржуазия, так мелко-буржуазные партии в политике своими руками прокладывают дорогу политической победе крупного капитала, а с ней и экономическому торжеству крупной буржуазии. Мелкие буржуа и в политике являются такими же приказчиками буржуазии, в каких их все более превращает ход капиталистического развития в экономике. Вот почему партия крупного капитала, конституционно-демократическая партия, так благосклонно взирает на деятельность в России меньшевиков и эс-эров, на словах упорно отрицающих какую либо связь с капитализмом. Дельцы буржуазии прекрасно знают, что Мартовы и Черновы расчищают им путь, что об'ективный смысл их работы заключается в расчистке дороги для реставрации помещичьего землевладения и капиталистического хозяйства.

Sic vos, non vobis.—

«Так вы, но не для вас самих»—работаете, г.г. меньшевики и эс-эры. Вы являетесь в данном случае мавром крупного капитала, которому тот прикажет исчезнуть со сцены, после того как он выполнит порученную ему работу.

III.

В такой экономической отсталой стране, как Россия, влияние мелко-буржуазных партий, было неизбежно значительным. Одна из них—меньшевики опиралась на интеллигенцию и отсталые слои пролетариата, другая мелко-буржуазная партия, именующая себя—«партией социалистов-революционеров», пыталась найти опору в крепкой части крестьянства. В такой земледельческой стране, как Россия, громадное большинство населения которой состоит из крестьян-собственников, влияние подобной партии не могло не быть значительным. В идейном отношении эс-эры являются эпигонами русского народничества, учения возникшего в 70-х годах на почве недостаточного развития капиталистических отношений в России и отрицавшего для нее необходимость пройти через капиталистическую фазу хозяйства.

Правда, эс-эры подвергли основательному пересмотру основные учения народничества и пытались спаять его с ревизированным в духе Бернштейна марксизмом. Так образовалась у нас та своеобразная амальгама, какой является идеология партии социалистов-революционеров. От старых народников они унаследовали традиционную иллюзию о возможности примирения в рамках одной партии интересов пролетариата и мелко-буржуазного крестьянства. Подобно народникам эсеры флером социализма прикрывали буржуазно-демократическую сущность своей программы и тактики.

Уже в начале 900-х годов, к которым относится образование партии социалистов-революционеров, русские социал-демократы — устами нынешнего меньшевика и соратника эс-эров Мартова—дали им надлежащее определение, назвав их «социалистами-реакционерами»,—усмотрев в них ядро той радикально-буржуазной партии, которая должна образоваться в представлявшейся тогда неизбежным этапом буржуазно-демократической России.

Построив свою программу на вере в революционную роль крестьянства, эс-эры до революции 1905 года приобрели в городских центрах России значительное влияние среди интеллигенции, рядами которой пополнялась их подпольная организация. От революционного движения 70-х годов, по своему об'ективному значению также бывшего формой протеста против самодержавия, складывавшейся в рамках царской России мелко-буржуазной демократии, они унаследовали и тактику террористической борьбы, единоличного террора, направленного против отдельных, наиболее ненавистных представителей царского строя,—тактику, вполне соответствовавшую индивидуалистической психологии мелко-буржуазной интеллигенции, которая не могла отрицать факта недостаточной активности крестьянства, но оставаясь чуждой пролетариату, не замечала выраставшего на ее

глазах могучего рабочего движения, которое и должно было явиться наиболее действительной силой в борьбе против самодержавия, должно было нанести ему смертельный удар.

В своей аграрной программе, в основу которой был положен принцип так называемой «социализации земли», эс-эры пытались окутать социалистической фразеологией мелко-собственнические вожделения русского крестьянина, стремившегося освободиться от ига помещичьего землевладения и крепостнического государства, стать владельцем помещичьей земли. Критики учения Маркса из рядов европейских ревизионистов, столь охотно изощрявших свое остроумие в аграрном вопросе, были поставщиками теоретического оружия для г.г. социалистов-революционеров. Так они строили идеологию для деревенской мелкой буржуазии, того класса, который по их мнению должен был получить преобладающую силу в грядущей освобожденной России. Этот-то слой они и идеализировали под именем трудового крестьянства.

В революцию 1905—7 года социалисты-революционеры выступали в общем и целом, как крайний левый демократический фланг буржуазии. Они усвоили лозунг вооруженного восстания, призывали к конфискации помещичьего землевладения, требовали республики, отражая здесь чаяния крестьянской массы, жаждавшей избавиться от ига царя и помещиков.

Однако уже в ходе революции 1905—7 г. вскрылась разнородность элементов, об'единившихся под кровом партии социалистов-революционеров. В начале 1906 года от нее откололись так называемые народные социалисты, (группа Пешехонова и Мякотина) высказывавшиеся против конфискации помещичьего землевладения и за его выкуп, против лозунга республики за монархию, отказывавшиеся от террористической тактики. Народные социалисты, а еще более стоявшие еще правее от них трудовики, быстро шли по пути превращения в идеологов сельского кулака, хозяйственного мужичка.

Помимо того, в 1906 г. от эс-эров откололось и крайне левое крыло, бунтарско-анархистские элементы, известные под именем максималистов, принявшие всерьез социалистическую фразеологию эсеров и об'явившие своим лозунгом «прямо к цели», немедленное осуществление социализма в России.

В 1917 году максималисты признали Советскую власть и поддерживали первые ее шаги. Они шли вместе с коммунистами, так как последние осуществляли программу максимум, пролагая путь к торжеству в России социалистического идеала.

Правда, в течение, 18 и 19 годов отдельные максималистские группы сплошь и рядом боролись в стане левых с-р. и анархистов против Советской власти, ударяясь иногда в чистейший бандитизм. Однако, ядро максималистской группы, все дальше шло по пути соединения с Коммунистической партией и в 1920 г. оно формально соединилось с нашей партией.

Ядро же эс-эровской партии в ходе первой революции консолидировалось в качестве политического представителя среднего крестьянина, выразителя интересов мелкого собственника, хозяйственные требования которого оно прикрывало под оболочкой псевдосоциалистической терминологии.

Последовательный демократизм партии социалистов-революционеров 1905—7 г. сделал возможным боевое сотрудничество с ней, как с партией радикальной мелкой буржуазии, и нашей партии большевиков в ее борьбе против самодержавия за республику, в подготовке вооруженного восстания в целях установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В эс-эрах большевики находили естественных соратников в революции, ближайшим этапом которой могло быть только низвержение царизма и установление демократической республики. Последовательные буржуазные демократы являлись естественными союзниками партии революционного пролетариата, шедшей на борьбу за республику с целью завоевания возможно более широкой арены для грядущей борьбы за социализм.

Победа столыпинской реакции в 1907—8 г.г. отразилась и на дальнейшей эволюции эс-эровской партии, ядром которой была мелкобуржуазная интеллигенция. Не смотря на то, что эс-эры притязали быть выразителями интересов крестьянства, в силу экономических условий существования мелкого собственника,—раздробленности и распыленности мелко крестьянского хозяйства они не могли завязать прочных связей с крестьянской массой, а столь многочисленная эс-эровская интеллигенция испытала на себе разлагающее действие конт-революционного поветрия. Как и среди рабочего движения, в эс-эровском стане появились свои ликвидаторы, отрицавшие неизбежность новой революции, отрекшиеся от революционно-демократических неурезанных лозунгов 1905 года, отказавшиеся от старых методов борьбы, призывавшие к приспособлению к столыпинской легальности. В то же время раскрытие в 1908 году азефовщины, этой чудовищной провокации, возведенной в систему, подобно змее, прокравшейся в самую середину эс-эровской партии и свившей себе гнездо в ее центральных учреждениях, нанесло громадный моральный удар престижу партии, ибо выяснилась неразрывная связь между оторванной от массового движения террористической практикой партии и работой правительственных ищеек, использовавших ее конспиративные боевые организации для разложения сил революции.

Часть эс-эровских лидеров осталась, однако, на старой позиции. Когда в нашей стране повеяло свежим ветром, когда новая революционная весна разбила лед реакции и с 1912 года рабочий класс начал вновь собирать свои силы для нанесения решительного удара самодержавия, часть эс-эров стала на сторону новой борьбы, приветствуя пролетариат, как застрельщика демократического переворота. Однако роль эс-эров в движении была в то время крайне незначительной, так как оно ограничивалось промышленными центрами России.

ии не перекинулось на деревню. Там столыпинская политика насаждения крепкого крестьянства, хозяйственного мужичка,—ставка на «крепких и сильных», поставившая себе целью создание большого числа мелких помещиков из крупных крестьян, которые бы своим социальным весом усилили «130 тысяч помещиков», правивших, по признанию Столыпина, в России,—принесла свои плоды,—внимание идеализованного эс-эрами «трудового крестьянства» в послереволюционные годы было поглощено борьбой различных его групп за землю.

Но вот грянула всемирная война, явившаяся началом нового периода в истории человечества, она заставила все течения в международном социализме заново перестроить свои ряды, перетасовывая ранее существовавшие группировки, проводя новые борозды среди политического стана. Вчерашние друзья оказывались врагами. Партия эс-эров, отражавшая в своей тактике и программе индивидуалистическую психологию мелкого собственника, возглавляемая интеллигентским штабом, в своем преобладающем большинстве попала в плен открытому социал-патриотизму. Громадное большинство русских эс-эров—Бунаков, Авксентьев и другие встали на сторону самодержавия и его союзников против германского империализма и призвали страну напречь все свои силы для победы в великой войне. Только незначительная часть вождей, понимавших, что победа поведет к усилению романовской монархии, сторонились немного от господствующего течения, однако, их интернационализм носил крайне робкий, половинчатый характер. Представитель этого крыла партии, Чернов и заседал на циммервальдской конференции, этой первой попытки об'единения противников войны во время империалистической катастрофы.

Зато среди рабочих эс-эров пролетарский классовый инстинкт оказался сильнее поддерживаемых в них эс-эрами мелкобуржуазных предрассудков, коренившихся в тесной связи части русских рабочих с деревней,—в своем большинстве они явились непримиримыми противникоми войны и поддерживали интернациолистическую линию большевиков.

Но преобладающее большинство эс-эров, социалисты-оборонцы—подобно меньшевикам, отвергли всякую мысль о революционной борьбе против царизма во время войны, из опасения, что она разложит армию и помешает достижению желанной победы. Поэтому для подготовки революции февраля 1917 года эс-эры сделали столь же мало, как и меньшевики, и они во время войны выступали решительными противниками всяких попыток переворота, что, однако не помешало им, подобно меньшевикам, попытаться оседлать революцию и удержать разлив революционной стихии. Как и меньшевики, эс-эры призывали к поддержке первого буржуазного правительства, куда они дали и своего представителя, министра юстиции Керенского, перекрасившегося к тому времени из трудовиков в эс-эра. Заодно с меньшевиками, эс-эры призывали к безоговорочной поддержке империалистской войны, к продолжению ее освобожденной

от гнета царизма Россией в тесном сотрудничестве с союзными империалистами, к войне до победного конца. Вместе с меньшевиками эс-эры послали своих представителей в образовавшееся в начале мая правительство коалиции с буржуазией, причем в качестве министра земледелия туда вступил сам лидер эс-эров Чернов. Вместе с меньшевиками эс-эры инсценировали наступление 18 июня, разоружали рабочих и солдат 3 и 5 июля в Петрограде.

Демократические лозунги эс-эров и плохо затуманенная социалистической фразеологией формулировка ими требований среднего крестьянства, создала им в первые месяцы революции громадную популярность. Эс-эровская партия росла не по дням, а по часам. Она неимоверно распухла, включив в себя массу перебежчиков из открыто капиталистических партий, массу мещанского элемента, хлынувшего в ряды партии, на фасаде которой было написано «Земля и воля». Эс-эры достигли зенита своего влияния, они мнили себя господами России, вместе с меньшевиками они имели большинство в советах—на их стороне были и образовавшиеся в то время советы крестьянских депутатов. Но подобно меньшевикам, эс-эры также упорно отказывались от приобретавшего все большую популярность в народных массах лозунга, не соглашались взять власть в руки советов, где они располагали большинством.

Полнокровие эс-эровской партии оказалось мнимым, ее поразительные успехи не предотвратили крушения ее силы и влияния,—чуть ли не миллионная партия лопнула, как мыльный пузырь. Политика наступления, политика сотрудничества с буржуазией, отказывавшей в удовлетворении самых элементарных требований рабочего класса, затягивание войны в угоду с союзным империалистам нараставшая экономическая катастрофа,—все это явилось ударом по тем партиям, которые палец о палец не ударили, чтобы эту катастрофу предотвратить, которые и после революции продолжали—по существу дела—политику старого режима. И эс-эры разделили участие меньшевиков, на их долю выпала та же судьба, от них отвернулись народные массы, их головокружительные успехи не предотвратили их позорного падения. Член эс-эровской партии Керенский, ставший премьером коалиционного правительства, как бы воплощал в своем лице идейную гегемонию эс-эров в первый период русской революции. «Керенщина»—так и называется этот период,—и в лице этого слабого, бесхарактерного человека, без политической линии, без определенной программы, типичного представителя мелкой буржуазии, нашла свое адекватное воплощение подлинная сущность этой мелко-буржуазной, трусливой, половинчатой, соглашательской партии.

Октябрьский переворот, приведший к низложению временного правительства, в котором вместе с меньшевиком Никитиным заседал и эс-эр Маслов, был тяжелым ударом не только для меньшевиков, но и для эс-эров. Переворот показал в то же время, что соглашательство утратило всякие корни в стране, ибо он произошел в Петрограде почти совершенно бескровно, да и во всей стране эс-эрам

и меньшевикам не удалось организовать сколько нибудь сильного и длительного сопротивления народной власти.

На другой же день после Октябрьского переворота начинается непрекращающаяся с тех пор борьба эс-эров против рабоче-крестьянской революции. В Москве эс-эры во главе юнкеров организуют отчаянное сопротивление рабоче-крестьянской революции. Керенский вместе с казачьим генералом Красновым ведет войска на Петроград, Чернов пытается устроить в Могилеве, ставке верховного главнокомандующего, новый правительственный центр, Во всех концах страны начинается их работа по срыву великого переворота. Уже тогда эс-эры начинают грозить террором против рабоче-крестьянского правительства (одна из речей Чернова на эс-эровской конференции в Петрограде в конце 1917 г.).

Однако их попытки поднять «течение встречное» против революционной волны терпят неудачу, они не могут остановить революционного потока. Массы бесповоротно отворачиваются не только от меньшевиков, но и от эс-эров, которые теряют свою последнюю опору в армии и в крестьянстве. Армия, в которой оборонцы еще пользовались влиянием в первые месяцы после февраля, к октябрьскому перевороту вся уже стоит под знаменем большевизма. Усиленно идет и процесс революционизирования деревни. Здесь, в представлявшейся им наиболее прочной своей цитадели эс-эры чувствуют, как почва уходит из под их ног. Роспуск Учредительного Собрания 5 января 1918 года, в котором эс-эры, меньшевики и кадеты получили незначительное большинство, так как оно было выбрано в обстановке незавершившейся еще рабоче-крестьянской революции, не вызвал никакого отклика в стране. Если один из современников английской революции середины XVII века говорит о роспуске Кромвелем остатков Долгого парламента «Ни одна собака не затявкала в стране», то эти слова «mutatis mutandis» (с соответственными изменениями) можно применить и к бесславному концу учредилки.

С'езд крестьянских депутатов, собравшийся в начале января 1918 г. в Петрограде, в своем большинстве высказывается за рабоче-крестьянскую власть и об'единяет свои заседания с 3-м с'ездом рабочих и солдатских депутатов, имевшим место в те же самые дни.

Уже в октябре от эс-эровской партии отделяется левое крыло, так называемые «левые социалисты-революционеры», участвовавшие в октябрьской революции под лозунгом борьбы за Советскую власть. Они признают в общем и целом рабочую революцию, и несмотря на ряд колебаний, поддерживают советскую власть в первый период ее существования и принимают даже прямое участие в правительственной власти.

Крестьянские массы, поверившие после февраля обещаниям эс-эров о земле и воле, отвернулись от них после того, как увидели, что эс-эры во время своего пребывания у власти бессменно стояли на страже помещичьих привиллегий, посылая карательные отряды для подавления вспыхнувших по всей России крестьянских восста-

ний, охраняя неприкосновенность помещичьего землевладения, предлагая крестьянам ждать Учредительного Собрания, а до его созыва не посягать ни на одну пядь «чужой» земли. Первым шагом созданного октябрьской революцией рабоче-крестьянского правительства, наряду с предложением справедливого мира всем народам, был и принятый 2-м с'ездом советов декрет о переходе земли к крестьянству, крепко спаявший массу землеробов с партией, от которой она получила не только власть, но и землю. Эс-эры оказались генералами без солдат, штабом без армии. Их, недавно еще мощные, легионы растаяли, как дым.

Брестский мир вызвал новый пароксизм патриотического бешенства среди эс-эров. Они не могли простить его большевикам, дерзко поправшим старые великодержавные традиции царской России во имя сохранения очага международной социальной революции, порвавшим с традициями буржуазного патриотизма, и дали аннибалову клятву не складывать рук до свержения Советской власти.

Эс-эры—вместе с меньшевиками и кадетами—ожесточенно нападали на Советскую власть за Брестский мир, обвиняя ее в прямой измене «родине», вынув из арсенала старую легенду о германском золоте, питающем будто бы русскую революцию. А их друзья украинские меньшевики и эс-эры между тем сами до этого заключили с австро-германским империализмом мирный договор, предававший фактически Украину в его руки. Мелко-буржуазная национальная украинская рада, находившаяся в руках украинских меньшевиков и эс-эров, обеспечила себе путем этого договора содействие австро-германских штыков и при помощи австро-немецких войск свергла советскую власть на Украине и установила любезную ей «демократию». Однако, недолго продолжалось царство меньшевиков и эс-эров. Немецкий лейтенант Мумм разогнал украинскую раду и посадил на ее место гетмана Павла Скоропадского, в котором германские империалисты создали себе орудие еще более послушное, чем была сама рада. Так украинские меньшевики и эс-эры первые проделали тот опыт, который потом неоднократно был повторен их друзьями в Поволжьи, Сибири, на севере России. Они об'явили непримиримую войну Советской власти во имя демократии, с целью ее свержения они не погнушались вступить в союз с чужеземным империализмом, но в конечном счете они работали не для себя, ибо их союзники—иноземные буржуа—находили более удобным иметь дело с открытыми представителями старого режима, с лидерами буржуазно-помещичьей реакции, и при содействии чужеземных империалистов власть переходила в руки белого генерала.

Если украинские эс-эры и меньшевики в своей борьбе против рабочих и крестьян обратились к помощи германского империализма, то великорусские эс-эры действовали в полном контакте с империализмом союзническим. Так, в зависимости от географической широты менялась ориентация поборников демократии. В мае 1918 года в России состоялся 8-й совет партии социалистов-революционеров и в

резолюции о необходимости немедленной ликвидации большевистской власти и перехода правительственной власти в руки демократического правительства, опирающегося на «всеобщее избирательное право» черным по белому значится: «в интересах такого правительства организованной демократии, опирающегося на национальное законодательное собрание, допускается вступление союзных войск на русскую территорию с чисто стратегическими, а не политическими целями, если, в силу соглашения с Россией и в силу формальных гарантий, союзные вооруженные силы не будут вмешиваться во внутреннее политическое устройство и будут соблюдать целость русской территории».

И резолюция 8-го Совета партии не осталась пустым звуком. Эс-эровские агитаторы в союзе с более правыми представителями белогвардейщины использовали в своих целях пребывание в России чехословацких войск. Это были взятые в войне с Австрией военнопленные, которые должны были быть эвакуированы через Сибирь в Европу. Их то и обработали антантовские агенты, восстановившие их против большевиков, как мнимого орудия германского империализма, и вот по мании парижской биржи, эс-эры инсценируют летом 1918 г. восстание чехо-словаков, отрывают от России вслед за Украиной, Поволжье и Сибирь, и часть Урала, обрекая страну тем самым на продовольственный кризис, лишая ее связи с источниками сырья, территориями богатыми хлебом, углем, рудой. Здесь эс-эры выступили в качестве прямого орудия иностранного капитала.

Как говорит один из представителей их ЦК, Вл. Зензинов в своей книге «Из жизни революционера» (Париж, 1919 г.) к августу 1918 г. от большевиков была освобождена громадная территория России со средним течением Волги, с городами Самарой и Казанью, Урал, казачьи области и почти вся Сибирь». Во всех этих местах, как грибы после дождя, возникали местные демократические правительства: сибирское правительство, самарское комитет членов Учредительного Собрания. На Волге эс-эры создали так называемую «народную армию», задачей которой было свержение Советской власти, завели свои охранные отделения, жестоко преследовавшие рабочих и крестьян. В сентябре 1918 года на Урале, в Уфе состоялось государственное совещание, на которое собрались представители всех контр-революционных партий, всех местных и областных правительств: сибирского, самарского, уральского, 8 казачьих правительств, башкирского, киргизского и др. 23 сентября в Уфе и было единогласно избрано временное правительство из 5 лиц, в состав которого вошли 2 социалиста-революционера — Авксентьев и Зензинов. Это правительство должно было стать всероссийским. Ему обязались подчиняться все партии, все местные правительства. Эс-эры торжествовали победу. Они мечтали, что наступили золотые дни их учредиловского рая.

Однако, рабочие и крестьяне России решили иначе. Путем неимоверного напряжения всех сил им удалось вернуть Казань и за-

нять Самару—центр учредиловской демократии. И временное всероссийское правительство вынуждено было выбрать местом своего пребывания город Омск в западной Сибири, где, по признанию Зензинова, «особенно сильно было реакционное влияние сибирского правительства... Поэтому мы с большой тревогой ехали в Омск», замечает он.

Действительно, дальнейшие события оправдали эту тревогу. Инсценированное эс-эрами белогвардейское «всероссийское правительство» пригласило на пост военного министра адмирала Колчака. И вот, всероссийское правительство не просуществовало и двух месяцев, как 18 ноября верхи сибирского казачества,—как потом выяснилось с согласия английского империализма,—без всякого труда скинули учредиловцев и провозгласили на их место верховным правителем адмирала Колчака.

Так, еще раз эс-эры провалились со своей коалицией, вновь подтвердив своею детельностью правильность положения большевиков, что, вступая в сотрудничество во власти с буржуазными правителями, социалисты работают для укрепления капиталистической власти, что в эпоху революции в современном капиталистическом обществе у народа есть выбор только между диктатурой буржуазии, под фирмой генеральской власти, и диктатурой пролетариата. Учредиловская демократия оказалась навозом для черносотенной реакции, для не скрывавшего своих монархических симпатий адмирала Колчака. Учредительное собрание, под властью которого эс-эры думали собрать Россию, было отметено в сторону и на его место выступил новый кандидат в цари. Вместо гражданских свобод народные массы Урала, Сибири и Поволжья увидали разгул помещичьего грабежа и восстановление эксплоатации рабочих русскими и иностранными капиталистами. Крестьяне Сибири и Урала убедились на опыте, что слова эс-эров о демократии и народовластии означают на деле восстановление ига помещиков и капиталистов. Для Сибири наступили времена хуже романовской реакции. Так работа «демократов» в Сибири, как и на Украине, послужила суровым, но поучительным предметным уроком для населения, познавшего на деле, к чему ведут демократические фразы.

Но не только в Поволжьи, на Урале, в Сибири, на Украине эс-эры под флагом демократии открывали ворота буржуазно-помещичьей контр-революции расчищали путь царскому генералу. Не только на Украине и в Сибири они в своей борьбе против советской власти опирались на штыки иноземного империализма, став таким образом прямым орудием мирового капитала. Такой же оборот приняли события и на севере России, в Архангельской губернии и на Мурмане. Там социалисты-революционеры, члены учредительного собрания, с Чайковским во главе, при помощи призванного ими английского десанта, свергли советскую власть и провозгласили демократический режим. Однако, и там власть учредиловцев просуществовала недолго.

Англо-американские командиры и здесь нашли, что им гораздо удобнее иметь дело с представителями старой власти и заменили учредиловцев более покорным себе реакционным правительством. Так, и рабочим, и крестьянам севера России пришлось испить из горькой чаши эт-эровской учредилки и тяжелым опытом дойти до понимания, что у них имеется выбор только между диктатурой иноземного капитала, прикащиками которого были как Скоропадский и Колчак, так и генерал Миллер, которому англичане вручили власть на севере.

Опыт Украины, Сибири, Поволжья и Архангельской губернии образумил и кое-кого из эс-эров. Они начали понимать, к чему ведет их преступная политика и после того, как от их партии окончательно отвернулись широкие народные массы, часть лидеров начинает отходить от старой партии эс-эров и признает необходимость советской власти в России (группа «народ» Святицкого и Вольского, так называемое «меньшинство» партии социалистов-революционеров).

Однако, ни колчаковщина, ни скоропадщина не заставили руководящее ядро эс-эровской партии отказаться от своей борьбы против советской власти, признать октябрьскую революцию. Правда, на 9-м совете партии летом 1919 г. она отказалась формально от поддержки иноземного империализма, высказались против интервенции, против призыва союзнических войск для борьбы с русским народом, необходимость чего признавала в прошлом году, но своей задачей по-прежнему признала организацию восстаний против Советской власти внутри страны, причем решила использовать для этой цели крестьянскую массу.

С другой стороны, многие эс-эровские лидеры, высланные Колчаком заграницу, как Авксентьев и Зензинов в 1919 г., не переставали взывать к европейским империалистам об организации новой интервенции, о вмешательстве их против Советской власти. И на юге России во время захвата его Деникиным в 1919 г. многие эс-эры также кооперировали с добровольцами, оказывая им поддержку против большевиков. Правда, эс-эровское ЦК иногда решалось призвать к порядку своих зарвавшихся членов, но с его постановлениями обстояло дело так же, как и с заявлениями меньшевиков относительно их товарищей, помогавших Колчаку и его друзьям.

«Эс-эры пытались наметить какую-то среднюю линию, организовать мифическую «третью силу», которую они хотели противопоставить зараз и буржуазной помещичьей контр-революции и пролетарской крестьянской революции. Эс-эровская демократия должна была по мнению ее идеологов выйти победительницей из борьбы и на два фронта и против белых гениралов и против красной диктатуры пролетариата. Однако, ход русской революции беспощадно разоблачил иллюзорность этих надежд, показав, что в схватке основных сил современного общества—двух враждующих классов—буржуазии и пролетариата—нет места для какой бы то ни было третьей силы, что если она на миг и выносится к власти «рекой времен», то неизбежно превращается в орудие самой доподлинной

черносотенной реакции, становится крупнейшим фактором буржуазно-помещичьей реставрации.

Однако, анти-коллективистические черепа эс-эров оставались глухими к урокам истории, они не отказывались от своих попыток взорвать изнутри Советскую власть. На ряду с борьбой против нее на окраинах России под руководством и при поддержке союзнического империализма с середины 1918 года они инсценируют ряд заговоров в самой Советской России. Так, в июле 1918 года имел место знаменитый Ярославский мяжеж, организованный эс-эром Савинковым по наущению французского посла в России, Нуланса. Наконец, эс-эры извлекли из своего арсенала и заржавленное оружие единоличного террора, которым Чернов грозил еще в конце 1917 года.

Но если при Николае II Сазонов и Каляев своими метатель, ными снарядами в первые годы XX века истребляли царских слуг, ставленников помещиков крепостников, то их жалкие эпигоны направили свои выстрелы против вождей народной революции. И нынекак и встарь, эс-эры пишут на своем знамени «в борьбе обретешь ты право свое», но в прежние времена острие их борьбы было направлено против ига самодержавия, мешавшего свободному развитию буржуазно-демократической России, теперь же они борются с рабочими и крестьянами, взявшими власть. Из эс-эровских кругов исходят убийства наших товарищей Володарского в июне 1918 года, Урицкого в августе того же года эс-эром Канегиссером и покушение Каплан на тов. Ленина. Однако, индивидуальный террор так же мало помог эс-эрам, как и союзническая интервенция, как и организация белых армий. Покушение на любимых вождей пролетариата только заставило его теснее сомкнуть свои ряды и усилило в нем непоколебимую ненависть к врагам народа. На место павших бойцов пролетариат выдвинул десятки и сотни новых, которые безтрепетно продолжали их дело.

Эс-эры вели свою агитацию под знаменем Учредительного Собрания и народовластия, которое, говорили они, должно принести России гражданский мир. Одним из главных пунктом их нападок на большевиков был упрек, что мы разжигаем гражданскую войну. На деле это сами эс-эры своими выступлениями безпрерывно мешали переходу Советской России к мирному труду, это они зажигали пожар гражданской войны на всем протяжении России своими соглашениями сначала с германским, а затем с союзническим империализмом для удушения Советской России, для закабаления ее иностранным капиталом. Эс-эры стараются восстановить рабочих и крестьян против Советской власти, играют на разрухе, созданной годами неслыханной войны. Но на смену потушенному революцией пожару империалистской войны, они вновь разжигают сами пламя войны гражданской, устраивая на французское золото Ярославское и Чехо-Словацкое восстания в 1918 г., пролагая тем путь царскому генералитету.

После Брестского мира эс-эры возобновили свою клеветническую кампанию против большевиков, обвиняя их в том, что они служат целям германского империализма.

На деле же сами эс-эры стали открытыми агентами империализма союзнического. Когда русская революция вывела Россию из среды воюющих держав, то империалистическая коалиция, сражавшаяся против Германии, больно почувствовала ослабление своих сил. Она поставила своей задачей вовлечь вновь Россию в братоубийственную войну. Покорным орудием ее явились господа эс-эры, которые призвали в 1918 году чужеземных варягов. «для восстановления восточного фронта», как они тогда выражались. «Для возобновления войны с Германией при помощи со стороны союзников», как гласила революция 8-го совета их партии. Не вина эс-эров, если таким образом Россия не превратилась в колонию европейского капитала, если антантовским хищникам не удалось вновь закабалить себе весь русский народ так же, как они это проделали на время с Архангельской губернией, с Сибирью, с Грузией, с Украиной.

В 1920 году, после того, как польская война и врангелевская авантюра сорвали намечавшийся как будто бы переход страны на мирное положение, многие эс-эры—по признанию их ревельского органа «Народное Дело»—боролись в рядах врангелевской армии против русских рабочих и крестьян, несмотря на постановление своего Центр. Комитета, призывавшего к поддержке борьбы Советской России с польскими империалистами по мотивам национально-патриотического характера.

В то же время эс-эр Савинков организовал легион из русских белогвардейцев, сражавшихся в рядах польской армии против красных войск.

По окончании войны с Польшей, собравшийся за-границей в начале сентября 10-й совет партии социалистов-революционеров признал необходимым возобновление открытой борьбы против Советской власти и организацию вооруженного восстания, с целью свержения власти советов и установления учредиловской демократии. С конца 1920 года, когда был разбит Врангель и выяснилась безнадежность всех попыток интервенции, эс-эры становятся любимцами чужеземного и в первую голову французского капитала. Он делает на них свою ставку. После того, как не удалось сломить Россию силами субсидируемых европейскими империалистами белых, банкиры Лондона и Парижа питают слабую надежду, что им удастся добиться той же цели посредством инсценируемых эс-эрами восстаний. Это по их сигналу в январе текущего года эс-эры и кадеты в Париже фактически возобновляют коалицию, органом которой является исполнительная комиссия членов Учредительного Собрания, в которой наряду с кадетами Винавером и Милюковым сидят эс-эры Минор, Зензинов и Керенский. Чтобы на деле оправдать доверие европейского капитала, эс-эры наводняют Россию своими агентами, возбуждают рабочих к стачкам, пытаются организовать восстание среди

войск. При этом они готовы в случае нужды, спрятать в карман поднятое ими знамя учредилки и показать себя преданными сторонниками советов, только без коммунистов. Эс-эры, как и кадеты, как и французские империалисты прекрасно знают, что советы без коммунистов явятся только кратковременным этапом на пути к учредилке, под видом которой в свою очередь и произойдет восстановление буржуазно-помещичьей диктатуры в России. Кронштадтское восстание, в организации которого принимали участие ес-эры, меньшевики и анархисты, встретило восторженные отклики всей эсэровской прессы, несмотря на то, что на словах руководители движения и отгораживались от учредиловского лозунга, и заявляли себя приверженцами беспартийных советов.

Одновременно с Кронштадтом эс-эры пытались поднять восстание и в других местах. В феврале, им удалось на время при помощи кулацких банд прервать сообщение России с хлебородной Сибирью, откуда она получала продовольствие. Выступавший под эс-эсеровским флагом Антонов, собравший под свои знаменем в Тамбовской губернии дезертиров, кулаков, спекулянтов и мироедов и обманувший даже кой-кого из середняков, создал новый внутренний фронт.

В самом эс-эровском лагере намечаются различные течения. На правом его фланге стоит Савинков, единомышленник Бурцева, организатор ярославского восстания. Во время польской войны он вывел в бой русские белогвардейские отряды, в союзе с польскими захватчиками, боровшиеся против русских рабочих и крестьян. Он сложил апологию рижского мира, по которому польские империалисты стали железной пятой на белорусских, литовских, украинских рабочих и крестьян. Но и этот самый Савинков в дни кронштадтского восстания высказывается из пресловутых «тактических соображений» за лозунг беспартийных советов, как агитационного средства с целью удобнее свергнуть подлинную советскую власть. Затем у эс-эров намечается своего рода центристское течение— мы имеем в виду пражскую «Волю России», руководимую Зензиновым, Лебедевым и Минором, на словах открещивающуюся от Савинкова, и отвергающую коалицию с цензовиками, кадетами на словах, что не мешают им ее практиковать на деле. Это группа всего теснее и связана с французским капиталом, под дудочку которого она пляшет.

Действующие в России среди рабочих и крестьян эс-эры, их генеральный штаб, по вполне понятным причинам не могут выступать так открыто, как Савинков и Зензинов. Они боятся оттолкнуть от себя рабочих и крестьян, прямо заявив о своих целях и намерениях. Поетому они обволакивают свое требование восстановления буржуазного режима туманом социалистической, а подчас и «Советской» фразеологии. Эс-эры применяются к настроениям русских рабочих и крестьян, свыкшихся с режимом пролетарской диктатуры, и лишь иногда поднимающих голос против тех или иных недо-

статков ее механизма. Еще совсем недавно бурцевское «Общее Дело» негодовало против резолюции московских рабочих эс-эров, которые требовали, в полном противоречии с заявлениями своих лидеров и духом эс-эровской демократии, свободы только для «социалистических партий», а не для буржуазии, как то нужно было «Общему Делу» и как это требует эс-эровская политическая линия. Итак, орудующие в России эс-эры оказываются более дипломатичными и тонкими политиками, чем их зарубежные коллеги. Они приспособляют свои лозунги к психике масс, возбуждая их против частичных недостатков советского строя. Это не мешает, однако, тому, что об'ективная роль всех эс-эров, независимо от их оттенков, сводится к тому, что они являются агентами капиталистической буржуазии. Так смотрят на эс-эров и ее идеологи, русские кадеты,—партия, в программе и тактике которой нашли себе наиболее полное выражение интересы российского капитала.

Многие видные эс-эры признавали сами, что тактика их руководителей, приведет к использованию партии болей контр-революцией. Так например, по поводу решения сентябрьской конференции партии эс-эров, решившей возсоздать фронт новой внутренней гражданской войны против советской власти, член Центрального Комитота партии, Веденяпин, в письме посланном им из Бутырской тюрьаы, писал, что к поднятому эс-эрами движению сразу «примкнут все правые группы, повторится в лучшем случае Заволжская история, так как за спиной правых будет непременно стоять Антанта».—«В данное время, при данном соотношении сил, продолжал он, политика активной, открытой вооруженной борьбы может только проложить дорогу реакционным силам, с воинствующим империализмом Антанты в тылу. При таких условиях думать о каком либо выступлении— это только сознательно расчищать своими силами дорогу другим политическим группировкам из лагеря реакции и реставрации. Это теперь до очевидности ясно». Однако, это было неясно г-ну Чернову и прочим эс-эровским Цекистам.

Ряд других ветеранов партии эс-эров,—сидящие в тюрьме— Тимофеев, Гоц, Цетлин, Ратнер-Донской пишут в свой Ц. К., что французское правительство заявило о своем намерении агитировать в России за демократию и, в частности за эс-эсеров. «Кадеты, проиграв на Врангеле, хотят играть на нас или подыгрываться под нас».

С другой стороны лидер меньшевиков—Мартов, в своем письме меньшевитскому Ц. К. сообщил, что французскими империалистами было принято решение переменить свою ориентацию и взамен белых генералов поддерживать демократию. Поэтому кадетам дано было понять, что они должны заключить союз с эс-эрами.

И наконец в своем письме в редакцию берлинского право-кадетского «Руля» Милюков недвусмысленно указал, что «державы не дадут ни копейки, пока кадеты не об'единятся с эс-эрами» и прибавил, что под видом совещания учредиловцев Керенский осуще-

ствляет как раз директивы парижских к-д. об образовании Национального Центра на основе коалиции [1]).

Дело в том, что по словам того же Милюкова, с расжалованием Врангеля из правителей России, здесь (заграницей) остаются нерастранжиренные еще громадные суммы в руках правительства Антанты,—помещения посольства и другое имущество, так что речь идет о политических правах на это достояние».

Правда, Ц. К. партии эс-эров пытался платонически протестовать против парижского совещания эс-эров с кадетами, но это заявление осталось пустым звуком. Керенский, член избранной совещанием учредиловцев исполнительной комиссии, согласно решению эс-эровского Ц. К., вошел в состав заграничной делегации эс-эров.

Однако, не только Веденяпин и Тимофеев, но и сам Чернов не так наивны, чтобы полагать, что в случае свержения советской власти кормило государственного корабля перейдет в руки его партии. Нет, в № 3 своего органа «Революционная Россия», он сделал признание, что убежден, что его партия не удержит власти, что к власти «придут чуждые социальные силы».

И, так, эс-эры вновь сознательно готовятся расчистить дорогу Колчаку, Дутову, вновь хотят проделать сибирский опыт. Где же они могут найти себе опору? После февральской революции, с марта по октябрь, они пытаются базироваться на крестьянстве. Действительно, псевдо - революционная фразеология эс-эров, выкинутый ими лозунг—«Земли и воли»—одно время имели успех среди русских крестьян. Однако, в течение 8-ми месяцев керенщины, русское крестьянство успело убедиться, что слова эс-эровской партии расходятся с ее делами, что даже, стоя у власти лидер партии, пресловутый «селянский» министр Чернов, палец о палец не пошевелил, чтобы дать землю крестьянам, а наоборот, коалиционное правительство отправляло в деревню карательные экспедиции с целью ограждения помещичьих имений от попытки захвата со стороны крестьян. С другой стороны, политика затягивания империалистской войны также отвращала крестьян от партии, в союзе с иноземными империалистами увековечивавшей бойню во имя победного ее окончания. Вот почему, к октябрьской революции симпатии к эс-эрам

---

[1]) Свою тягу к коалиции с партиями капиталистической буржуазии эс-эры проявили еще накануне первой русской революции, осенью 1904 года, организовав в Париже конференцию „оппозиционных и революционных партий“ для координирования их действий. Конференция об'единила наряду с партией эс-эр и „Союзом освобождения“,—ядром будущей конституционно-демократической партии—и ряд национальных буржуазно-революционных групп. Практических последствий конференция, резолюции которой требовали „всеобщего избирательного права“, не имела.

См. общественное движение в России в начале XX века, под редакцией Л. Мартова, Л. Маслова и А. Потресова, т. I, СПБ. 1909, 396-420.

русской деревни и армии, по составу преимущественно крестьянской, сильно охладели [1]). Крестьянство устало ждать Учредительного Собрания—этого барина, который, по уверению Чернова, должен был рассудить крестьян после своего приезда, и в сентябре и октябре 1917 года в России грянула полоса крестьянских восстаний. Крестьяне стали, наконец, владельцами помещичьей земли. Декрет о земле, принятый II-м Всероссийским С'ездом Советов, провозгласившим переход власти в руки правительства рабочих и крестьян, только зафиксировал положение дела.

Последовавшая за октябрьским переворотом эпоха закрепила за крестьянами право на захваченную ими землю и избавила их от тягот войны империалистской. Поэтому симпатии крестьянина к советской власти утверждались.

Между тем эс-эры все более и более теряли почву под ногами не только в городе, но и в деревне. С'езд крестьянских советов, состоявшийся в январе 1918 года и соединившийся с III-м с'ездом советов рабочих и солдатских депутатов, служил лучшим показателем краха эс-эровского влияния на крестьянские массы. Только среди кулацких верхов крестьянства их призывы продолжали пользоваться еще кое-каким успехом.

Однако, эс-эры не примирились со своим банкротством. Они не оставляли мысли о новой ставке на крестьянство, не переставая использовать трудное положение разоренной войной и блокированной всем империалистическим миром Советской Республики, подымая против неевосстания в деревне. Обстоятельства тяжелой войны, отрезавшей Россию от ее богатых хлебом и минеральным топливом окраин, приостановили почти всю русскую промышленность и вынудили советскую власть в целях снабжения армии и рабочих национализированной промышленности об'явить разверстку и отбирать от крестьян все излишки хлеба сверх производимого ими для собственного потребления, уплачивая за хлеб бумажными деньгами. На почве недовольства крестьян хлебной монополией эс-эры не раз организовали восстания, поднимая кулаков, за которыми кое-где следовало и среднее крестьянство. Однако, они не могли иметь прочного и длительного влияния на деревенские массы. Опыт Сибири, Украины, севера России, где за властью Учредительного Собрания, за демократическим фазисом контр-революции неизменно следовала бело-генеральская диктатура, был для крестьян убедительнее эс-

---

[1]) Однако, крестьяне окончательно отвернулись от эс-эров лишь после октябрьского переворота, утвердившего за нами право на помещичьи земли.

В статье «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата». «Коммунистический Интернационал» (№ 7—8 1919 г., анализа т. Ленин на основании разбора данных избирательной статистики 1917 г. установил, «что большевики были, во время выборов в Учредительное Собрание, партией пролетариата, эсеры—партией крестьянства. В чисто крестьянских районах, великорусских (Пов.—Чернов., Сибирь, Вост. Учр.) и украинском, эсеры имели 62—77% голосов».

эровской посулки. Они не склоняли слуха к наветам черновцев, оставались верны советской власти и геройски сражались и умирали за социалистическое отечество. Крестьяне понимали, что только укрепление советской власти сохранит за ними добытую ими с помощью рабочих землю от опасности реставрации помещичьего землевладения, неминуемо грозящего в случае хотя бы временного успеха эс-эров, и оставались верны союзу с рабочим классом.

После окончания войны в Польше и с Врангелем, когда эсэры выдвинули боевой лозунг — организацию восстаний, они перенесли вновь свои надежды на крестьянство и на вышедшие из его среды боевые силы вооруженной России. Вот почему они восторженно приветствовали инсценированное с их помощью кронштадтские восстания, вот почему они явились вдохновителями кулацкого восстания в Сибири, отрезавшего на несколько недель Европейскую Россию от подвоза хлеба из Советской Сибири, и бандитское движение Антонова в Тамбовской губернии, сопровождавшегося разгромом ссыпных пунктов и хлебных запасов.

Однако, последнее решение 10-го С'езда Р. К. П. выбивает всякую почву из под ног эс-эров, ибо переход к органическому мирному труду, ликвидация методов «военного коммунизма», отмена хлебной монополии и разверстки, с заменой ее твердым продналогом, разрешение свободного местного оборота для крестьян, создает в населении деревни уверенность в том, что плоды его труда могут быть обменены им на необходимые ему продукты промышленности и примиряет его с рабочим государством, дальнейшее существование которого обеспечивает ему прочность расширившегося после революции землепользования. Русская деревня поняла, что возвращение старого порядка грозила бы ей новыми непомерными выкупными платежами, если бы даже кулацко-буржуазно-помещичья реакция и не смогла вернуть помещикам отобранную у них землю. Как известно, о выкупе крестьянством захваченной им у помещиков земли и говорят резолюции с'езда русских промышленников и торговцев в Париже в мае 1921 г.

Новая линия экономической политики Советской власти, усвоенная ею после перехода республики на мирное положение и замена военного коммунизма мирными методами, отнимает у эс-эров последнюю надежду на успех их тактики в деревне и укрепляет положение Советской власти. Если черновцам и удастся увлекать и впредь за собою кулацкие верхи сельской России, то отныне за ними не последуют средняки, убеждающиеся на опыте в том, что рабочее правительство исполнено искренной заботы об их интересах в нуждах.

Вся линия поведения эс-эров во время рабочей революции связывала их со слоем кулаков, крепких крестьян, крайне усилившимся численно после первой русской революции, когда столыпинское правительство поставило ставку на «крепких и сильных» чтобы создать из хозяйственных мужиков социальную опору для политического господства помещиков в царской России. Эти кулаки явля-

лись опорой эс-эров в инсценируемых ими крестьянских восстаниях против Советской власти. Если в 1917 году и они приняли участие в крестьянском движении, расчитывая поживиться на счет помещичьих земель, то в 1918 году, когда Советская власть перенесла классовую борьбу в деревню учреждением комитетов бедноты революцию, когда она противопоставила сельских пролетариев и полупролетариев деревенской буржуазии, верхи последней, кулаки, перешли в лагерь реакции и стали социальной базой эс-эров. Однако изменения в социальном строении русской деревни за годы революции ослабили роль этого класса. Деревня нивеллировалась, в ней сгладились противоположности, преобладающая масса крестьян стала середняками, беднота увеличила свое землевладение за счет помещиков и кулаков, — таким образом последняя опора эс-эровской русской агитации ликвидируется самой жизнью. Как в городе рабочая революция привела к уничтожению класса буржуазии, этого экономического базиса капиталистической раставрации, так и в деревне она приводит к сокращению удельного веса в ней кулацкого элемента, бывшего всегда ферментом белогвардейских выступлений.

Кой какую опору эс-эры в свое время имели и в некоторых слоях рабочего класса. Русский рабочий гораздо теснее своего собрата был связан с деревней. Вследствие сравнительной молодости русского капитализма, развитие которого относится к последним десятилетиям 19-го века, у нас не успело образоваться поколения рабочих крепко связанного с городом, вырастающего в его обстановке. Значительная часть городских рабочих сохраняла тесные связи с деревней. Уход в деревню на сельско-хозяйственные работы был распространенным явлением.

Помимо того, как мы уже упоминали, состав русского пролетариата сильно изменился за время войны. Его ряды пополнились многочисленными выходцами из мелко-буржуазной среды. В силу этого мелко-буржуазная мещанская идеология эс-эров могла привиться в умах некоторой части русских рабочих, не изживших еще психологии мелкого собственника.

Однако, достаточно было 8-ми месяцев революции, чтобы рабочие массы, среди которых после февраля 1917 г. на ряду с меньшевиками, пользовались влиянием и эс-эры, от них отшатнулись. И с тех пор, только незначительные группы рабочих в пору обострения продовольственного кризиса склоняют свой слух к пропаганде черновцев. В среде русского пролетариата в эпоху социалистической революции, их влияние ничтожно. Русский рабочий не верит больше учредиловцам, на долю которых выпала плачевная роль Мавра, работающего на Колчака.

В настоящее время эс-эры стыдятся прятать свои цели, скрывать свои намерения. На страницах своей зарубежной прессы они открыто выставляют программу денационализации крупной промышленности, возврата предприятий фабрикантам и заводчикам. Восстановление под знаменем учредилки политической власти буржуазии, неразрывно связано с возрождением экономической мощи капитала,

с передачей в его руки фабрики заводов. Лозунг денационализации промышленности ставит все точки над i и разоблачает фетиши эс-эровскую программу как формулировку вожделений открытых идеологов капитала.

Нужно сказать еще несколько слов о левых эс-эрах. Не долго продолжалось их сотрудничество с Советской властью. В марте 1918 г. в дни немецкого наступления они отстаивают точку зрения революционной войны против немецкого империализма. Брестский мир, больно ударивший по патриотическим чувствам мелкой буржуазии, отбросил в сторону оппозиции и эту группу.

Но в дни ожесточенной борьбы классов, переходящей в гражданскую войну, оппозиция их неизбежно переходит в контр-революцию. Всякий, кто противопоставляет себя возглавляющей революцию партии, неизбежно вынуждается переходить от оружия критики к критике посредством оружия, если только вообще способен бороться делом, а не только словами. И оппозиция левых эс-эров привела их в стан открытых противников Советсской власти.

Убийство германского посла Мирбаха в Москве в начале июля 1918 г. послужило прелюдией к восстанию л. эс-эров против Советской власти, приуроченномму ими к 5 с'езду Советов. В то же время левый эс-эр Муравьев, командовавший войсками на Волге, изменил Советской власти и открыл чехо-словацкий фронт.

Но рабочая партия легко справилась, как с'изменой лево-эс-эровского полководца, так и с восстанием группы партии. Последние, однако, не прекращали своей борьбы против Совтской власти, призывая массы поднять восстание во имя подлинной власти советов, будто бы искаженной большевиками, заменивших ее диктатурой Коммунистической партии,—возбуждая к вооруженной борьбе за «настоящую» а не призрачную Советскую власть. Из левых эс-эров вербовались бандитские шайки, которые вели против нас ожесточенную борьбу на Украине. Вместе с анархистами и правыми эс-эрами левые эс-эры не раз чинили нам большие затруднения и фактически оказывали помощь белой контр-революции.

Однако, нужно сказать, что значительная часть левых эс-эров дезавулировала позицию своего ядра и стала на точку совместной работы с Советской властью, ограничиваясь попытками легальной оппозиции. Часть левых эс-эров формально даже перешла в Коммунистическую партию.

В настоящее время лево-эс-эровские группы не представляют серьезного значения, как та, их часть, что стоит на почве активной борьбы против существующего порядка, так и та, которая сводит свою деятельность к легальной оппозиции.

IV.

Меньшевики и эс-эры, борясь с коммунистами в 1917 г., выкинули знамя демократии, их лозунг—«вся власть учредительному собранию». Они обратили в фетиш государственный режим, в кото-

ром под покровом мнимого согласия большинства населения ничтожная кучка банкиров обделывает свои дела и правит страной. Классическая форма господства капитала—буржуазная республика, являющаяся по выражению Маркса «неограниченной деспотией одного класса населения над другим», представляется им своего рода святая святых, предельным достижением истории, последним порогом; дальше которого идти нельзя. В решенной в пользу большевиков исторической тяжбе за новую Россию в 1917—18 г.г. меньшевики и эс-эры находились всецело во власти демократических иллюзий, истинную роль которых в свое время прекрасно охарактеризовал Маркс, в своем «18 Брюмера» приводя их в связь с социальным базисом демократических партий, с положением мелкого собственника в процессе производства». Демократ, как истинный представитель мелкой буржуазии, то есть переходного класса, в котором притупляются интересы двух различных классов, воображает себя вознесенным превыше всяких классовых противоречий. Демократы допускают, что против них стоит привелигированный класс, но они вместе со всеми остальными элементами нации составляют—народ. Они защищают лишь права народа, их интересуют лишь интересы народа. Поэтому им нет никакой надобности исследовать в виду предстоящей борьбы, интересы и позиции различных классов. Им не зачем с особенной тщательностью взвешивать свои собственные средства. Им стоит только дать сигнал, чтобы народ, со всеми своими неисчерпаемыми рессурсами бросился на угнетателей. И если при осуществлении плана на практике, интересы их оказываются никому не интересными, а их сила бессилием, то виноваты или злакозненные софисты, расколовшие нераздельный народ на различные враждебные лагери, или армия, слишком озверела и была слишком ослеплена для того, чтобы понять всю прелесть чистых идеалов демократии, как свое собственное благо, или была упущена какая нибудь деталь при выполнении плана, или, наконец, кампания на этот раз была проиграна просто вследствие какой либо непредвиденной случайности. Во всяком случае, демократ выходит из всякого поражения встоль же не запятнанным, сколь невинно он подвергся ему, о обновленным убеждением, что он победит; не он и его партия должны изменить свою старую точку зрения,—напротив, обстоятельства должны дозреть до него».

Однако, уроки жизни пробили брешь в наскоро сколоченном здании меньшевистско-эсеровской идеологии. Партия меньшевиков в лице ея руководящей Мартовской группы, за последние годы утратила очень много из своего доверчивого, наивного отношения к демократической традиции. Она не решается больше выступать открыто под лозунгом учредительного собрания. Перед лицом фактов меньшевики вынуждены были признать, что Октябрьский переворот, в котором они в 1917 г. и долгое время спустя видели плод военного заговора, возмущения солдатской стихии, действительно является рабочей революцией, что советская власть в России действительно является формой политического господства рабочего класса, проле-

тарской диктатуры. Правда, по замечанию ветерана меньшевизма Аксельроде, в письме к лидеру меньшевиков Мартову, эти уступки на почве теории не влекут за собой соответственных выводов на практике, ибо на деле меньшевики по прежнему ведут по выражению Аксельроде «войну» против советской власти. Вспомним, однако, что еще Маркс прекрасно сказал, что мелкий буржуа состоит из «с одной стороны и с другой стороны». Меньшевики не решаются сжечь все демократические фетиши, которым они раньше открыто поклонялись. Они останавливаются на полдороге, они не идут до конца в своем признании советской власти, а фактически они продолжают помогать ея врагам. Здесь они разделяют судьбу всего двух с половинного интернационала, частью которого они являются.

Как известно, под влиянием уроков жизни, из опасения потерять последние остатки влияния на пролетариат, горящего ненавистью к героям пособничества империализму и буржуазии в его войне против рабочих, шейдемановцам-меньшевики были вынуждены выйти из II Интернационала. Однако, III Интернационал является для них воплощением «диктатуры Москвы», они ведут против него непримиримую борьбу и пытаются положить начало новой ублюдочной организации двухсполовинному Интернационалу. Вместе с его руководителями, немецкими независимыми, Гильфердингом и Криспином и австрийскими социал-демократами Бауером, Фридрихом Адлером и Реннером-меньшевики не говорят ни «да», ни «нет», ни в одном из кардинальных вопросов нашей жизни, кокетничают с признанием Советской системы, ухитряются сидеть между двумя стульями в великие, решающие дни революции, которые требуют от всех ясного, определенного, недвусмысленного ответа, недопускающего никаких кривотолков.

В настоящее время, когда меньшевики не отказались от своей войны против Советской власти и ведут ее под новым флагом, они запрятали лозунг учредилки подальше, они вынули из своего арсенала новое оружие—лозунг свободно избранных советов, об'единяющий теперь кронштадтцев вместе с кадетом Милюковым и погромщиком и антисемитом эс-эром Савинковым, лозунг, которым охотно маскируются даже верные и преданные рыцари демократии, не знавшие меньшевистских колебаний, господа эс-эры. В статье, напечатанной в гильфердинговской «Фрейхейт» Мартов признал, что кронштадтцы шли за меньшевистский лозунг «свободно выбранных советов» и уничтожение партийной диктатуры коммунистов. Тем самым меньшевики оказались в рядах единого белогвардейского фронта—от Бурцева и Милюкова до Савинкова и Зензинова — они приняли лозунг «свободно выбранных» советов, чтобы взорвать им рабочую власть изнутри.

Этими беспрерывными колебаниями, этим непрерывным отступлением со своих позиций меньшевики осуждают себя перед глазами широких народных масс. «Партией пропавшей грамоты» назвал когда-то кадетский публицист, кн. Трубецкой, буржуазную партию октябристов, отказавшуюся от своего программного требования— проведения в жизнь обещаний манифеста 17 октября 1905 года,

вырванного у царя Николая II первой русской революцией. Пропавшей грамотой является теперь и для меньшевиков их программа. Они не знают, чего они хотят. Они растерялись перед лицом преображающих лицо мира великих событий. Революция оказалась им не по плечу. Образующие генеральный штаб партии радикальные интеллигенты не поняли грандиозности масштаба великой исторической катастрофы, надвинувшейся на человечество, они не знают, что им предпринять—«ложиться спать или вставать»—и вместо того, чтобы понять необходимость революции и встать в ряды борцов за нее, они активно борятся против нее или же пассивно, непрерывно упираясь, вставляют палки в ее колеса. Шаг за шагом меньшевики отказывались от своих программных и тактических требований перед лицом жизни, по крайней мере на словах. Ныне они не говорят открыто об учредилке, они уже не кричат прямо «назад к капитализму», как это делали в 1917 году, теперь они не требуют созыва учредительного собрания, уничтожения советской власти. Но тем самым они произносят смертный приговор над своей собственной партией, ибо признают, что они оказались не в состоянии понять закономерности исторического процесса, постигнуть революционного характера переворота, не сумели избрать правильной тактики, не сумели найти пути, отвечавшего требованиям исторического развития, были отброшены ходом событий в сторону. Напрасно пытались они поспеть за «рекой времен», ликвидируя то или другое из своих требований, выбрасывали за борт тот или иной из своих лозунгов, они никогда не приходят во время, они постоянно опаздывали. Как истые представители мелкой буржуазии, меньшевики никогда не соглашались бесповоротно встать на почву признания революции, заняв место в рядах революционного народа и идти с ним до конца. Жизнь беспрестанно разбивала их надуманные, доктринерские построения вдребезги, подобно карточным домикам,—и меньшевики—эти неудачные претенденты на роль руководителей пролетариата, неизменно оставались за флагом. Партия без программы и тактики, партия, линия поведения которой определяется от случая к случаю, обречена историей играть жалкую роль интеллигентского штаба генералов без армии. Все ее попытки вмешиваться активно в ход событий, независимо от воли ее участников—приводят к пособничеству черной реакции, к службе русской белогвардейщине и иноземному империализму.

Меньшевики прекрасно понимают, что массы против них. Мартов в своей речи на с'езде германских независимых в Галле, прямо говорил, что рабочие массы во всей Европе охвачены религиозной верой в свою грядущую победу, что они идут под знаменем коммунистической революции. Из этого непререкаемого факта Мартов сделал однако тот вывод, что он и его друзья обязаны взять на себя роль тормаза революционного движения масс, стать помехой в их борьбе за свое освобождение.

Социалисты-революционеры оказались более упорными и твердолобыми. Руководящее ядро их партии не сошло ни на иоту со своих

позиций, не отказались ни от одного из своих требований. Как и прежде, они молятся на учредилку, признавая допустимым иногда в целях политической маскировки лишь лозунг свободно избранных советов, как переходной ступени к учредительному собранию. Эс-эры ничего не забыли и ничему не научились. 4 года русской революции прошли для них даром. По признанию Чернова в его центральном органе «Революционная Россия», они «остаются при своей программе—минимум, стоят попрежнему на почве народовластия», несмотря на то, что опыт не только русской, но и развертывающейся мировой революции показал с непреложной очевидностью истинную сущность демократии, как ширмы для ничтожного меньшинства империалиттов, горсти акул капитала, которые верховодят в парламенте, пользуются мнимо-свободной прессой и дергают все нити государственного механизма, с целью доставить торжество своим интересам. Эс-эры безбоязненно идут к своей цели—восстановлению господства учредилки, хотя для них не тайна, что свержение советской власти неизбежно—так сказать автоматически—приведет к реставрации капитализма, к возвращению власти помещиков и буржуазии. Как верные лакеи капитала, эс-эры расчищают ему дорогу.

По существу и в переживаемый нами исторический момент, как и за все 4 года русской революции, меньшевики и эс-эры образуют единый фронт, действуя друг с другом в тесном союзе. Меньшевистско-эс-эровский блок захватил в свои руки советы в первое время после февраля 1917 года. В тесном единениии боролись меньшевики и эс-эры против растущего влияния большевиков, поддерживая буржуазное и коалиционное правительства, и империалистскую войну. Рука об руку с эс-эрами меньшевики боролись против октябрьского переворота, за одно с ними они об'явили войну советской власти после красного октября. Рядом с эс-эрами меньшевики вели агитацию среди рабочих масс на почве продовольственных затруднений с той только разницей, что наряду с городом эс-эры пытались развивать деятельность и в деревне, меньшевики же вели свою «работу» среди рабочих. С другой стороны контр-революционный облик соглашательских мелкобуржуазных партий яснее всего выступает у эс-эров, тесно связанных со столь сильными в России до революции кулацкими слоями деревни.

Несмотря на значительные сравнительно программные и тактические расхождения меньшевиков и эс-эров, они всегда умели находить общий язык в своей борьбе против Советской власти. И те, и другие принимали участие в кронштадтском восстании, где в Ревкоме меньшевик Валък сидел рядом с эс-эрами. И те, и другие усвоили лозунг свободно выбранных советов, и те, и другие в трудные для Советской России минуты ведут общую линию взрыва ее изнутри на радость иноземным империалистам.

Меньшевики и эс-эры являются порождением той самой мелкобуржуазной стихии, которую должна одолеть русская революция

для своего окончательной победы Меньшевики и эс-эры—это наследие, оставленное нам слабостью экономического развития России, ее промышленной отсталостью. Влияние меньшевиков и эс-эров будет изживаться по мере успехов социалистического строительства, укрепления производительных сил новой Советской России, отмирания в ней классов, уничтожения пролетариата, как особого класса. Меньшевики и эс-эры это есть наследие убитого, но не изжитого еще капитализма, то—по французской поговорке: «мертвый хватает живого». С меньшевиками и эс-эрами мы справимся тогда, когда окончательно убьем капитализм, когда заложим прочный незыблемый фундамент коммунизма, когда самые медные лбы убедятся в беспочвенности попыток повернуть назад колесо истории и вновь насадить в России капиталистический «рай». До тех пор, пока еще продолжается идущий вперед медленно, но неуклонно, процесс созидания новых производственных отношений, строительства коммунистического общества, представители мелкой буржуазии не перестанут нам вкладывать палки в колеса, мешать пролетариату работать над возведением нового общественного здания, над строительством бесклассового общежития. И Советская Россия, с направляющей ее жизнь партией коммунистов во главе, должна быть на чеку, чтобы в любой момент дать отпор агентам капитала, работающих—сознательно или бессознательно—для реставрации у нас капиталистических отношений хозяйства и соответствующей им политической надстройки. Как пособники белогвардейщины, как слуги капитала, меньшевики и эс-эры не имеют права жаловаться, если правящие Советской Россией передовые рабочие применяют к ним репрессивные меры. Меньшевики и эс-эры обращаются к социалистическим партиям Европы с протестом против мер революционной самообороны рабочего правительства, принимаемых им против «социалистов». Однако, они забывают сказать, что Советская Россия поступает с ними по заслугам, что она применяет революционное насилие против меньшевиков и эс-эров, как против реакционных заговорщиков, явных или тайных соратников белогвардейской контр-революции. За сотрудничество с буржуазными партиями, за пособничество их делу, и ни за что другое настигал меньшевиков и эс-эров [1]) карающий меч революционного правосудия. Так было, и так будет. В гражданской войне между буржуазией и пролетариатом нельзя занимать промежуточной позиции, необходимо стать по ту или по другую сторону баррикады. Кто не с

---

[1]) Еще II с'езд Р. С. Д. Р. П. (1903 г.) в принятой им резолюции „О социалистах революционерах" констатировал, что „социалисты-революционеры" являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще.

„Принимая затем во внимание: а) что свои буржуазные тенденции „социалисты-революционеры" преследуют под флагом социализма и б) что, кроме того, или именно потому, как буржуазно-революционная франция, оказываются совершенно несостоятельными, С'езд считает их деятельность

пролетариатом, тот против него, тот является сторонником буржуазии и вынужден нести все последствия раз принятого им решения, а не хныкать и ныть по поводу «красного террора».

V.

Под свое враждебное отношение к революции пролетариата меньшевики пытаются подвести теоретический фундамент. Они упорно отрицают социалистическую природу великого российского переворота, и теперь, как в 1905—1907 годах, они твердят, как попугаи, что народное движение не может выйти из рамок буржуазной революции. Великую народную стихию они хотят уложить в Прокрустово ложе политических революций европейского типа, эра которых закончилась в 1871 году, с провозглашением третьей республики во Франции и образованием германской империи.

Еще в первую русскую революции 1905—1907 годов меньшевики выступали противниками проповедуемого тогда большевиками революционного союза между пролетариатом и крестьянством с целью утверждения революционно-демократической диктатуры этих классов, руководствуясь тем соображением, что революция, ликвидирующая самодержавие, должна закончиться переходом власти к буржуазии, поэтому пролетариат не должен и думать о том, чтобы наложить на движение отпечаток своих классовых требований.

Однако, уже в 1907 году нынешний бог меньшевиков Каутский характеризовал все несоответствие принципам марксизма их примитивного анализа хода русской революции, он указал, что революционное движение 1905—1907 годов в России носит совершенно своеобразный характер, что ему нельзя просто дать название буржуазной революции, ибо оно «стоит на грани буржуазного и социалистического переворотов». Этими словами Каутский—бывший тогда еще революционным марксистом—освятил тактику большевиков, направленную на установление союза между пролетариатом и крестьянством, на провозглашение их революционной демократической диктатуры, как первого этапа в борьбе за конечную победу социализма.

Прошло 12 лет со времени первого могучего восстания рабочих и крестьян против царя и капитала. За это время утекло много воды, над миром пронеслась всемирная война, перевернувшая вверх дном все традиционные, складывавшиеся веками общественные отношения, потрясшая все устои капиталистического мира; а

вредной не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы против абсолютизма".

Российская коммунистическая партия (большевиков) в постановлениях ее с'ездов. 1903—1921 г.г. СПБ. 1921, 33. История русской революции полностью подтвердила эту характеристику,—и в частности, ее последний абзац: в 1917—1921 г., эс-эры выявили себя прямыми пособниками царистской реакции (Колчаковщина и пр.).

меньшевистский воз остался там же, где он был в 1905 году [1]). С упорством, достойным лучшей участи Мартов и Дан продолжают пережевывать старую жвачку о буржуазном характере русской революции. По старому они твердят, что пролетариат не должен был брать власть в свои руки, что производственные отношения в России не созрели для социалистического переворота, что тактика большевиков есть не выражение утопических и бланкистских тенденций. Подобными соображениями меньшевики оправдывали свою тактику коалиции с буржуазии, вхождения в буржуазное коалиционное правительство и свою борьбу против октябрьского переворота, которую они не прекращают и до наших дней.

В красном октябре наши мнимо «реальные политики», на деле же утописты худшего сорта, утописты мещанского реформизма, ничего не усмотрели, кроме солдатского бунта, отказываясь видеть в движении захват власти пролетариатом. В их руках великое учение марксизма из незаменимого метода научного исследования явлений общественной жизни, ключа к пониманию вечно текучего исторического развития, Ариадниной нити для познания постоянно обновляющейся ткани социальной жизни превратилось в мертвый шаблон, голую схему, в тиски которой с тупым упорством и формализмом педантов, они тщятся уложить великий исторический переворот небывалого размаха. Все громы Великой Революции не могли вытравить внедрившегося в сознание меньшевиков навязчивого представления о том, что Россия не может выйти из рамок буржуазного переворота, что социальная революция от лукавого.

В тесной связи с только что отмеченным моментом стоит и неверие меньшевиков в мировую революцию. Большевики-коммуни-

---

[1]) Было правда, время, когда Мартов разсуждал, как марксист. Мартов пишет в декабре 1914 года редакторам „Нашей Зари“, что для демократии наступил период решительной непосредственной борьбы за овладение властью в развитых капиталистических странах, как естественный выход из тупика, в который общество загнал империализм. Против войны. Москва 1917, 43.

„С первых же дней кризиса (т. е. начала войны) у меня нет „слева“ политических противников, писал Мартов в январе 1917 г., а имеются лишь единомышленники по основному принципиальному вопросу, с которыми возможна и часто необходима борьба и жестокие споры по вопросу о методах отстаивания основных принципов. В этом отношении катастрофа (Второго Интернационала. В. Б.) создала повсюду новое положение, показав всем, для кого конечные цели и основные принципы социал-демократии не стали звуком пустым, что в рядах рабочей демократии в продолжение текущего момента внутренний враг помещается лишь направо, и что задачи борьбы с этим внутренним врагом должны быть при всех обстоятельствах подчинены задаче размежевания и идейной борьбы с соседями слева. Кто это не понял и даст себя смутить криками о максималисткой, синдикалисткой и т. д. опасности, рискует никогда не выйти из невеселого положения сидящего между двумя стульями и осудить себя на пассивное выжидание либо на бессознательное служение тем, кто воплощает правую опасность“. (Предисловие к названной выше книге, X).

Эти слова Мартова являются смертным приговором дли всей его деятельности после октябрской революции...

сты не убоялись поднять знамя пролетарского восстания в крестьянской стране, твердо веря в то, что этим они полагают начало мировой социальной революции, что они являются авангардом международного пролетариата, сбрасывающего с себя цепи капитала и выступающего на борьбу с буржуазией во всем мире. Большевики учли характер мировой войны, не оставившей камня на камне в экономике капитализма, потрясшей его социально-политические устои, превратившей старый мир в хаос обломков, из которых нарождается новый мир в очистительном горниле революции. Незыблемая вера в наступление мировой революции, первым актом которой было победоносное восстание про-летариата в России, оставалась путеводной звездой российского рабочего класса за четыре года его многотрудной борьбы против об'единившихся против него сил российского и мирового капитала.

Меньшевистские маловеры, эти людишки, именующие себя реальными политиками только потому, что их горизонт не простирается дальше их носа, упорно отрицали приход мировой революции, всячески стараясь подорвать в русском пролетариате надежду на помощь со стороны его европейских братьев, пытаясь доказать, что капитализм может оправиться после потрясений, нанесенных ему всемирной войной,—что буржуазный порядок полон сил, которые позволят ему залечить все его раны,—что перед капитализмом еще лежит долгая пора мирного органического развития. Меньшевики не переставали дискредитировать дело русского пролетариата перед форумом западно-европейских рабочих. Их вожди изрыгали злейшую хулу на русскую революцию, уверяя пролетариев запада, что это не более, как кровавая деспотия шайки заговорщиков, что в русском движении нет ничего такого, что оправдывало бы его поддержку рабочими других стран. Здесь меньшевики оказались двойными предателями, они изменяли заодно и русскому пролетариату и интересам, международной революции, застрельщиком которой и явился русский рабочий класс...

Подрывая у русских рабочих веру в мировую революцию, уверяя их в незыблемости господства международного капитала, меньшевики закрывали глаза на то, что революционная борьба пролетариата сама является крупнейшим фактором распада старых капиталистических отношений, что революционное выступление пролетариата обрекает на неудачу все усилия буржуазии восстановить старый капиталистический мир. Меньшевики не хотели замечать, что самое бытие советской России уже является крупнейшей победой мировой революции, что одним своим существованием она пробуждает в рабочих всего мира веру в их силы и поднимает их на революционную борьбу. Так своею разлагающею проповедью они не переставали наносить удар в тыл Российскому пролетариату, этому авангарду интернационального рабочего класса, и по мере сил помогали буржуазии в ее борьбе против застрельщика мировой революции, против ее передового отряда—советской России.

Меньшевики, по их словам, ничего не имели бы против пере-

хода власти в руки пролетариата в России, если бы он совершился после победы мировой революции: рабочим России не нужно было самим полагать почин, быть пионерами международного рабочего восстания. Эта аргументация, как две капли воды, похожа на рассуждения оппортунистов под всеми широтами и долготами: ни в одной стране реформисты не хотят первыми браться за оружие,—пусть начнут другие,—говорят они,—а то окружающие страну пролетарской революции капиталистические хищники скоро задушат рабочую республику.

Если бы широкие рабочие массы усвоили меньшевистскую точку зрения,—это сделало бы рез навсегда невозможной рабочую революцию,—ибо очевидно, что она не может быть разыграна как по нотам; не может возникнуть одновременно во всех странах, что пролетариат той страны, где экономические и политические условия сложились наиболее благоприятно для захвата власти, должен сделать великий почин... Только не мы!—бормотали русские меньшевики, подобно своим собратьям в других странах. Но рабочие России не вняли советам Мартова,—и история оправдала великое начинание российских пролетариев...

В общем и целом позиция эс-эров в данном вопросе сходна с точкой зрения меньшевиков. Если в 1905—7 г.г. они пытались иронизировать над местью меньшевистской концепции, сводившей характер революционного движения в России к узким рамкам буржуазной революции, и предлагали свою туманную формулу «трудовой революции», которая должна была привести к чему-то среднему между капитализмом и социализмом, то эра пролетарского восстания, начавшаяся в 1917 г., заставила эс-эров сбросить маску и они вместе с меньшевиками выкинули знамя буржуазной революции. Эс-эры раскрыли перед всем миром свою буржуазную природу, не уставая повторять, еще последовательнее и упорнее, чем меньшевики, что русская революция должна привести к утверждению господства буржуазии, что Россия не созрела для введения социализма, и прикрашивая любезные их сердцу буржуазные порядки фразами о демократии.

И в вопросе о мировой революции господа эс-эры занимают позицию, аналогичную точке зрения меньшевиков, и здесь они срывают дело международного пролетарского восстания своей борьбой против советской России и против III коммунистического интернационала, собирающего под своим знаменем все революционные силы, идущие походом против старого мира.

Выход как эс-эров, так и меньшевиков из II интернационала ничего не изменяет в их контр-революционной природе. ибо эти партии вступили в венский «двух с половинный» интернационал, созданный каутскианцами, центристами всех стран... Это последняя маска, которую надевают лакеи капитала, это последняя попытка—утвердить власть буржуазии, шатающуюся во всем мире под тараном пролетарского восстания. На международной арене также, как и в

России, меньшевики и эс-эры являются союзниками врагов пролетариата.

Меньшевики и эс-эры стараются убедить рабочих, что в их собственных интересах лежит восстановление капиталистического рабства.

Вспомним, что в «Антидюринге» Энгельс писал: «Добровольное вступление в рабское состояние проходит через все средневековье, а в Германии вплоть до тридцатилетней войны. Когда в Пруссии, после поражения 1806—1807 г.г., было отменено крепостничество, а вместе с тем и обязанность господ заботиться о своих подданных в случаях нужды, заболевания или престарелости, то крестьяне подавали петицию королю, прося о том, чтобы их оставили в рабском состоянии, из боязни, что с его отменой никто более не будет заботиться о них в случаях нищеты». («Русск. перевод, изд. Петроград. Совета, 1918, стр. 88»).

Рабочие, склоняющие свой слух к меньшевикам и эс-эрам, удивительно напоминают прусских крестьян, описанных Энгельсом. Нужно, однако, заметить, что в отличие от крапостников хозяева капиталистической промышленности сумели освободить себя от всяких забот о своих наемных рабах.

Во втором своем тезисе о Фейербахе Карл Маркс писал: «В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность, мощь, посюсторонность своего мышления».

Политическое мышление меньшевиков не выдержало критерия, указанного Марксом,—вся их практика в эпоху революции являет непрерывный ряд неудач и поражений,—вся их тактическая линия свидетельствует о полном банкротстве их партии,—о недействительности и немощности ее мышления [1]).

VI.

«Мелкая буржуазия, т. е. все герои Второго Интернационала и Интернационала «два с половиной», не могут быть ничем иным, по экономической сути дела, а как выражением классового бессилия,—отсюда колебания, фраза, беспомощность. В 1789 г. мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 г. они были смешны и жалки; 1917—1921 г.г. они —отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми, или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное» [2]).

---

[1]) „Социал-демократия будет решительно и последовательно интернационалистской в своем мышлении и в своей политике или сойдет бесславно с исторической сцены". (Л. Мартов. Национализм и социализм. СПБ. 1918, 5). Эти слова, написанные лидером русского меньшевизма после февраля 1917 г., буквально оправдались на судьбе руководимого им течения: меньшевистская партия изменила „последовательному интернационализму", ополчившись против победоносной революции русского пролетариата, этого первого триумфа мировой социалистической революции,—и после этого вынуждена была „бесславно сойти с исторической сцены". Мартов оказался пророком в своем отечестве.

[2]) Ленин, О продовольственном налоге.

В эпоху великой французской революции конца XVIII века мелкая буржуазия городов была революционной силой, передовым борцом буржуазной революции.

«Душой всех движений 1793 г. была мелкая буржуазия, пишет Каутский. Пролетариат парижских предместий придал ей силу и смелость и, давая ей возможность опереться на него, двигал ее вперед, доставлял ей самых энергичных и смелых борцов, но не пришел еще к сознанию своих классовых интересов. Думы и чувства пролетариата были мелкобуржуазны, и это ему было тем легче, что сама мелкая буржуазия была революционно настроена и видела средство своего возвышения и освобождения в борьбе против всех господствующих сил, как капиталистической, так и феодальной [1]).

Но экономическое развитие, подрывая положение мелкой буржуазии в производстве, подчиняя ее крупному капиталу, свело на нет и ее инициативную революционную роль.

«С тех пор протекли десятилетия быстрого капиталистического развития, значительных отраслей производства; продолжает Каутский, в течение которых мелкая буржуазия все более вытеснялась из целого ряда ей осталась только мелкая торговля, и, таким образом, из производителя мелкий буржуа превращался все более и более в посредника, из двигателя промышленности он превратился в ненужный придаток. Таким образом, он потерял свою революционную силу и смелость, сделался менее надежным и менее устойчивым. Одновременно ослабевала связь его, с пролетариатом в той мере, в какой у последнего стало развиваться классовое сознание, поскольку он ставил себе задачи, противоречащие задачам мелкой буржуазии, которые коренятся в товарном производстве и в частной собственности на средства производства. Образовалась глубокая пропасть между обоими классами, которые завоевали республику и стремились воскресить революционные традиции. Каждый из этих классов понимал эти традиции на собственный лад». [2]).

И роль мелкой буржуазии в революции 1848 г. была уже не та, что в героическую эпоху 1794 г.

В работах Маркса, посвященных европейским движениям середины XIX века, рассыпан ряд блестящих характеристик политики мелкобуржуазной демократии.

«В противовес буржуазной коалиции образовалась коалиция мелкой буржуазии и рабочих, так называемая социал-демократическая партия. Мелкие буржуа нашли, что после июньских дней 1848 года их плохо вознаградили, что материальные интересы их страдают и демократические гарантии, долженствующие обеспечить эти интересы, поставлены под знак вопроса контр-революции».

Так рисует Маркс в своем «18 брюмера» позицию мелкой буржуазии во Франции в 1849 г.

«Социальные требования пролетариата получили демократиче-

---

[1]) Каутский. Республика и социал-демократия во Франции 1905,20.

[2]) Ibidem.

скую интерпретацию, устранившую их революционное жало; демократические притязания мелкой буржуазии, не ограничиваясь более одной политической стороной, выдвигали свои социалистические пункты. Так образовалась социал-демократия».

Можно подумать, что эти строки написаны про современных деятелей—героев 2 и $2^1/_2$ Интернационала.

«Своеобразный характер этой социал-демократии определялся тем, что она требовала демократически республиканских учреждений не для того, чтобы при помощи их устранить одновременно обе противоположности—капитал наемный труд, а для того, чтобы смягчить противоречие между ними и превратить его в гармонию». [1]).

Ни дать, ни взять—современные шейдемановцы.

В «Революции и контр-революции в Германии» мы находим проникновенные строки, посвященные поведению мелкой буржуазии в Германии в ту же пору:

Энгельс (ему, а не Марксу принадлежит авторство этих статей) пишет о руководящем классе майского выступления 1849 г.

«Мелкая буржуазия, великая в хвастовстве, совершенно неспособна к делу и трусливо сторонится всякого решительного шага. Мелочной характер ее торговых дел и кредитных операций как нельзя более пригоден для того, чтобы наложить на ее собственный характер отпечаток недостатка энергии и предприимчивости; поэтому с самого начала можно ожидать, что такие же свойства характеризуют и ее политическую деятельность».

И эти ожидания полностью оправдались в процессе борьбы.

«Как только вооруженное восстание приводило к серьезному кризису, мелких буржуа охватывал величайший ужас перед опасным положением, в которое они попадали; ужас перед народом, который в серьез принял их доверчивый призыв к оружию; ужас перед властью, которая попала им в руки, и прежде всего ужас перед последствиями, которые должны были возникнуть из волей-неволей усвоенной ими политики для них самих, для их общественного положения, для их собственности».

Не так ли и наши мелкие буржуа, меньшевики, как огня боялись победы власти и внушали пролетариату мысль о необходимости оставления ее в руках буржуазии.

«И какая перспектива стояла перед их глазами на случай победы, как не уверенность, что победоносные пролетарии, оставлявшие главную массу борющейся армии, выгонят их из должностей и опрокинут их политику», говорит в заключение Энгельс о германских мелких буржуа.

В движении 1848 г. мелкие буржуа проявили себя прямыми предателями революции.

Последнее революционное выступление мелкой буржуазии в европейской истории относится к 1871 г. когда часть французскмх

---

[1]) „18 брюмера", в „Мыслях и взглядах о жизни XX века". СПБ. 1912. 179

мелких буржуа поддержала парижскую коммуну,—это первое победоносное восстание пролетариата.

«Это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признал парижский средний класс—мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богатых капиталистов», пишет Маркс [1]). Мудрое разрешение коммуной вопроса о должниках и кредиторах привлекло на сторону революции средний класс».

«После бегства из Парижа шайки высших бонапартовских сановников и капиталистов, истинная «партия порядка» среднего класса, выступившая под именем «Республиканского союза, стала под знамя коммуны и защищала ее от клеветы Тьера», продолжает Маркс [2]).

Но это была последняя вспышка догоравшего пламени.

Мелкая буржуазия Парижа не смогла долго удержаться на позиции сочувствия рабочей революции.

И если Дюбрейль в своей «Коммуне 1871 г.» отмечает, что «первые шаги Коммуны встречены были даже скорее сочувственно, не только в пролетарской среде, но и в слоях промежуточных: торговцами, лавочниками, басонщиками, которых было также много, как «и теперь, даже пожалуй больше», то он вынужден прибавить, что если одно время за Коммуной шли и мелкобуржуазные элементы, то скоро они от нее отшатнулись [3]).

«Неудача федеральных батальонов 3-го и 4-го апреля глубоко и радикально видоизменила отношения к Коммуне среднего парижского класса. Колеблясь в течение последних недель марта между решениями, признать или не признавать инструкционное правительство, буржуазные элементы, принадлежавшие к торговле, промышленности и к свободным профессиям, некоторое время сконялись к первому решению, что они являлись советовать Коммуне поход на Версаль с целью снятия блокады с Парижа. Без сомнения, победа удержала бы их под революционным знаменем, но Коммуна потерпела поражение, и вот внезапно чувства осторожности взяли верх: Коммуна сделалась или снова стала для всего, что не принадлежало в Париже и чисто и к явно пролетарским элементам, если не врагом, то, во всяком случае, чем то чуждым, от чего следовало держаться на известном расстоянии» [4]).

Исполнившееся в 1921 году пятидесятилетие, со времени трагических дней Парижской Коммуны застает мелкую буржуазию,—поскольку ее вожди пытаются вести самостоятельную политическую линию,—в роли простого пособника империалистской реакции, орудия ее влияния на рабочие массы.

Более чем когда либо справедливы теперь слова «Коммунисти-

---

[1]) Гражданская война во Франции.
[2]) Ib.
[3]) 103.
[4]) 175.

ческого Манифеста»: «из всех классов, противостоящих в наши дни буржуазии, только один пролетариат является действительно революционным классом».

А «средние сословия... не революционны, а консервативны. Мало того, они стремятся повернуть назад колесо истории».

Уже в 1848 г. мелкая буржуазия испугалась революционной поступи своего недавнего союзника пролетариата.

К началу 20-го века, в эру империализма, безраздельного господства финансового капитала, картелей и трестов, мелкая буржуазия на Западе утратила последние остатки своей революционности.

«При империализме, писал Гильфердинг, исчезает старая противоположность интересов между буржуазией и мелкой буржуазией: последняя политически становится охранным войском крупного капитала».

«В конце концов все буржуазные слои все более об'единяются общностью интересов против поступательного движения рабочего класса. Но в отражении его руководящую роль уже давным давно взял на себя крупный капитал» [1]).

А на долю мелкобуржуазных партий — каковыми являются мнимо «социалистические» партии, входящие в состав 2 и $2^1/_2$ Интернационала, выпадает незавидная роль его приказчиков.

В 1793 г. мелкая буржуазия была еще революционным классом,— ибо находившийся еще в зародыше пролетариат не являл признаков классового сознания,—в 1848 г. первые самостоятельные шаги этого «сильного, но злого малого» (как Гоббс называл народ), откинули ее далеко вправо,—в 1917—1921 г. идущая к победе пролетарская революция превратила вождей мелко-буржуазной демократии в прямых союзников империалистической реакции.

VII.

Маркс и Энгельс не ограничились гениальным анализом роли мелкой буржуазии в современной их революции 1848 г., руководствуясь ариадниной нитью материалистического метода, уверенными штрихами с прозорливостью ясновидцев обрисовали они роль мелкой буржуазии и ее демократической идеологии в грядущей социалистической революции, неминуемость наступления которой они непререкаемо доказали.

Маркс и Энгельс писали в марте 1850 г. в обращении Центрального Комитета к союзу коммунистов, что в ближайшей революции главным врагом рабочих будет демократическая партия. «Та роль, которую немецкие либеральные буржуа в 1848 г. играли по отношению к народу, эта предательская роль перейдет в предстоящей революции к демократической мелкой буржуазии, которая теперь занимает в оппозиции то же самое положение, какое занимали либеральные буржуа до 1848 г.».

---

[1]) Финансовый капитал, Петроград, 1918, 520.

По словам отцов социализма, «эта *демократическая* партия, которая *для рабочих гораздо опаснее, чем прежняя либеральная*» состоит на ряду с другими элементами—и «из республиканских мелких бюргеров.... которые теперь *называют* себя красными и *социал-демократами*, так как они питают благочестивое желание уничтожить давление крупного капитала на мелкий, крупного буржуа на мелкого бюргера».

Как видим, «социал-демократы» конца 40-х годов XIX века мало отличались от современных,—германских шейдемановцев и российских меньшевиков.

Дальнейшая характеристика «демократов» Марксом и Энгельсом заставляет выступать еще ярче наружу черты сходства между мелкими буржуа XIX века и их эпигонами XX столетия.

«Демократические мелкие буржуа далекие от того, чтобы стремиться к перевороту всего общества для революционных пролетариев, добиваются такого изменения общественных условий, которое сделало бы для них возможно более сносным и удобным современное общество».

По мнению «демократов», рабочие «должны оставаться наемными рабочими, как до сих пор, только демократические мелкие буржуа желают рабочим лучших заработной платы и обеспеченного существования, короче, они думают подкупить рабочих более или менее замаскированной милостыней и сломить их революционную силу, временно делая сносным их положение».

В противоположность растлевающей идеологии демократии Маркс и Энгельс выдвигают точку зрения партии революционного пролетариата,—коммунистов.

«Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а только об ее уничтожении, не об ослаблении, затушевывании классовых противоречий, но об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, но об основании нового общества».

Маркс и Энгельс не уставали предостерегать рабочих от «демократических мелких буржуа», которые «стремятся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социал-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и в которой определенные требования пролетариата ради дорогого мира не должны выдвигаться. Подобное об'единение служило бы единственно для их пользы и целиком к невыгоде пролетариата».

Маркс и Энгельс предостерегали рабочих, чтобы те не дали сбить себя с толку демократическими фразами о том, что нельзя не допускать раскола демократической партии, ибо этим дается возможность реакции победить. «При всех таких фразах дело сводится в конце концов к тому, что пролетариат оказывается обманутым». Они рекомендовали рабочим усиленно вооружаться и организовывать «свои собственные революционные рабочие правительства, в форме ли общинных управлений, общинных советов, или рабочих клубов и рабочих комитетов, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно лишились бы возможности опереться на рабо-

чих, но прямо увидели бы, что за ними следят и им угрожают власти (Behörde), за которыми стоит вся масса рабочих». «Уничтожение влияния буржуазных демократов на рабочих, немедленная, самостоятельная и вооруженная организация рабочих и установление по возможности наиболее затруднительных и компрометирующих условий для временного, неизбежного господства демократии, вот главные пункты, которые пролетариат, а вместе с тем союз (коммунистов), должен иметь в виду во время и после предстоящего восстания».

Поистине пророчески звучат следующие слова Маркса и Энгельса: «Понятно, что при предстоящих кровавых столкновениях, как и при всех прежних победа будет одерживаться, главным образом, рабочими, благодаря их мужеству, решимости и самоотверженности».

«Как до сих пор, так и в этой борьбе мелкие буржуа в массе будут держаться как можно долее медлительно, нерешительно и пассивно, чтобы затем, когда победа будет решена, захватить ее в свои руки, призвать рабочих к спокойствию и к возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы» [1].

Наши великие учителя как будто предвидели поведение меньшевиков и эсэров в России в 1917 г., шейдемановцев и независимых в Германии в 1918 г.

Диоскуры—творцы коммунизма до гробовой доски остались верны той характеристике демократии, которую они дали в молодые годы.

Еще в 1875 г. в «критике готской программы» Маркс указал на научную неправильность названия социал-демократия для партии пролетариата, ибо демократия есть одна из форм государства, между тем как революционные марксисты стремятся к упразднению всякого государства.

Приводим выдержку из одного письма Энгельса к Бебелю от 11 декабря 1884 г. Это письмо только недавно было опубликовано за границей.

«Что касается чистой демократии, ее роли в будущем, то я полагаю,—пишет Энгельс,—что в Германии она будет играть гораздо менее видную роль сравнительно со странами более старого промышленного развития. Но это ей не помешает в момент революции на короткий срок приобрести временное значение в качестве самой крайней буржуазной партии, какой она выступала уже во Франции, в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент вся реакционная масса группируется вокруг нее и усиливает ее. Все, что было реакционным, выступает тогда в качестве демократов. Точно также в 1848 году вся феодально-бюрократическая масса с марта по сентябрь поддерживала либералов, для того, чтобы удержать в повиновении рево-

---

[1]) „Обращение“ перепечатано в приложении к изданию К. Маркс. Кельнский процесс коммунистов. Спб. 1919, 101 сл.

люционные массы. А когда это удалось, то потом, само собой разумеется, либералов прогнали пинками. Так и во Франции в 1848 г. чистая республиканская партия «Националя», самая крайняя из всех, господствовала с мая до декабрьских выборов Бонапарта, только благодаря тому, что ее поддерживала вся реакция, организующаяся под ее прикрытием».

«Так было во всех революциях: к власти приходит партия самая ручная, сохраняющая еще способность управлять, именно потому, что побежденные (господствующие классы только в ней видят последнюю возможность спасения. Конечно, нельзя ожидать, чтобы к моменту кризиса за нас было большинство избирателей, большинство наций. Весь буржуазный класс, остатки феодального владеющего класса, большая часть мелкой буржуазии и сельского населения группируется тогда вокруг той крайней буржуазной партии, которая тогда на словах выставляет себя крайне революционной. Я считаю весьма вероятным, что она займет место во временном правительстве и даже, возможно, окажется временно там в большинстве. Как не следует поступать, будучи в меньшинстве,—показало нам социал-демократическое меньшинство парижского февральского правительства в 1848 г. Но пока этот вопрос остается только академическим».

«Конечно, возможно, что в Германии дело пойдет иначе, и как раз по военным причинам. Внешний толчек при теперешнем положении вещей может исходить только из России. Если его не будет, если толчек будет исходить из Германии, тогда революция может исходить только из армии».

«Невооруженный народ является перед современной армией величиной совершенно ничтожной. В этом случае, т. е. если активно выступят наши резервы от 20 до 25 лет, которые не голосуют, но принимают участие в военном обучении,—тогда можно будет перескочить через чистую демократию. Но и этот вопрос в настоящее время является чисто-академическим, хотя я, как представитель главного штаба партии, обязан предвидеть эту возможность. Во всяком случае, во время кризиса и на другой день после него, нашим единственным противником явится вся реакционная масса, об'единяющаяся вокруг чистой демократии, и этого, как я полагаю, ни в каком случае упускать из виду нельзя» [1]).

Открытый Марксом и Энгельсом великий научный метод диалектического материализма, которым они с таким совершенством владели, дал им возможность ясновидящим взором проникнуть далеко вглубь времен, приподнять завесу, скрывавшую от них будущее.

При изучении их сочинений нам постоянно приходится

---

[1]) Цитировать В. Адоратским, Маркс и Энгельс о демократии, „Правда“, № 171, от 5 августа 1921 г.

изумляться их глубокому историческому чутью,[1]),—только что цитированное письмо Энгельса к Бебелю от 1884 г. полно такого же глубокого проникновения в механику пролетарской революции, — как и «обращение Центрального Комитета» к союзу Коммунистов от 1850 г.

Маркс и Энгельс предвосхитили перипетии грядущей рабочей революции,—задолго до нея разоблачили буржуазный характер любезной сердцу Каутского и меньшевиков «чистой демократии», — с неподражаемым мастерством начертали они основные линии той тактической линии, которая в революцию 1917—1921 г. даровала победу партии большевиков.

Большевистский анализ классовой природы мелко-буржуазных партий, меньшевиков и эс-эров, стоящих обеими ногами на почве «чистой демократии», но в то же время драпирующихся в тогу социализма, целиком базируется на методе революционного марксизма и на данной Марксом и Энгельсом характеристике роли демократических партий в эпоху пролетарской революции.

И здесь, как и в других пунктах, предвидения Маркса и Энгельса блестяще оправданы ходом вещей и развитием мировой рабочей революции — и это обстоятельство служит новым подтверждением глубокой правильности возвещенного творцами коммунизма понимания исторического движения, плодотворности обоснованного ими научного метода, несокрушимой мощи выкованного ими теоретического оружия.

---

[1]) Ср. напр., гениальные пророчества Энгельса о мировой войне. См. В. Быстрянский. Фридрих Энгельс (к его характеристике), Петроград, 1920, 22 сл.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Огнем и мечом.

(Практика грузинской социальной демократии).

Апологеты меньшевизма приветствовали в грузинской «демократии» опыт осуществления социализма мирными «эволюционными» методами.

Демократическая Грузия должна была явиться полной противоположностью Советской России, с ее «варварскими» методами диктатуры,—она не должна была знать гражданской войны.

Так гласила теория.

Что же оказалось на деле?

Ответ на этот вопрос дает вышедшая отпечатанная в типографии бывшего грузинского правительства книга Валико Джугели «Тяжелый крест». «Записки народогвардейца» (Тифлис, 1920 г.).

Мы скоро увидим, что означает заглавие книги.

Книга снабжена предисловием известного вождя грузинских меньшевиков, пресловутого Е. Гегечкори, где он находит возможным констатировать «с несомненной очевидностью», что «наша демократия осталась в стороне от той ужасной гражданской войны, в огне которой погибли и погибают все культурные ценности России» (?!). Что «идея социализма» (?) в пределах нашей республики не только не скомпрометирована, но на глазах у всех она практически выполняет созидательные творческие силы, заставляя умолкать клеветы представителей буржуазного мира». Гегечкори полагает, что «во всем этом огромная доля заслуги принадлежит народной гвардии и ее вождям», к которым принадлежал автор книги.

«Народная гвардия оставалась неизменно верной строгим началам демократизма», прибавляет Гегечкори.

Между тем, книга, о которой говорит Гегечкори, вся посвящена... истории гражданской войны в Грузии,—и из компетентных уст Джугели мы услышим, как народная гвардия соблюдала «начала демократизма»...

Книга является дневником Джугели стоявшего во главе так называемой «Народной гвардии»,—и поэтому имеет значение важного исторического источника, знакомя нас изо дня в день с «подвигами» народогвардейцев в деле утверждения «демократии».

Дневнику предпослан доклад Джугели в Тифлисском Совете рабочих депутатов 11/хп 1918 г. Докладчик заявляет открыто,

что Тифлисские меньшевики боялись давать рабочим в руки оружие.

По его словам «наши передовые (?) тифлисские товарищи с большой осторожностью и с большой опаской относились к тенденции вооружения рабочих. Они боялись уроков прошлого, которые доказывали отрицательность вооружения узких слоев рабочего класса, и потому в первые дни революции, когда эта горсточка передовых рабочих Тифлиса и деятелей Совета заявила на заседании Совета о необходимости вооружения рабочих,—эта идея, встретив принципиальное сочувствие, практически не воплотилась в жизнь».

После февральской революции 1917 г.,— рассказывает Джугели,—ему и его друзьям удалось собрать кой-какое оружие.

«Мы решили раздать это оружие, в надежные руки тифлисского пролетариата. Так как мы сами не решались на этот ответственный шаг, мы позвали несколько старых товарищей революционеров и долго обсуждали вопрос, как быть с этим оружием. Некоторые, наиболее опытные товарищи говорили, что этого оружия не нужно давать в руки рабочим, ибо оружие является величайшим соблазном, это оружие может увлечь эту горсточку вооруженных рабочих на совершенно нежелательный путь».

Как видим, меньшевики опасались вооружения рабочих, справедливо ожидая, что они обратят его против буржуазии, что для ее лакеев являлось, конечно, «нежелательным».

Когда, наконец, образовалась «Народная гвардия» из обманутых меньшевиками рабочих,—ее двинули против их же братьев,—восставших против буржуазии рабочих и крестьян. Послушаем, что говорит Джугели.

«Но именно в тот момент, когда мы ликвидировали солдатский российский большевизм, среди наших солдат большевизм получил распространение и нашей народной гвардии, нашей вооруженной рабочей милиции, приходилось прилагать все усилия к тому, чтобы обезоружить эти большевистские банды. Начиная с пешего Горийского полка, когда мы обезоружили схулиганившийся Горийский грузинский полк, до самого последнего времени, нашей рабочей полиции, нашей красной и народной гвардии почти ни разу не приходилось выпускать из своих рук своего оружия».

Это оружие все время было обращено против внутреннего врага,—каковым для грузинских меньшевиков являются трудящиеся. Такова хваленая демократия, якобы отрицающая гражданскую войну.

Джугели перечисляет «походы», в которых тифлисским вооруженным рабочим пришлось принять участие.

«Прежде всего, товарищи, мы направились с нашим маленьким отрядом в Гори и обезоружили там, как я сказал, схулиганившийся (?) Грузинский полк. Затем, в Кутаисе обезоружили два полка, в Душете обезоружен был конный полк, который вступил на

путь хулиганства, в Телаве—8-й полк, в Садохло было целое сражение с татарскими бандами.

«Затем гвардия была направлена в Цинхвал. В Цинхвале около 2 недель приходилось выдерживать борьбу с бандами, которые были спровоцированы большевиками.

«С этим моментом совпало восстание большевиков в Мингрелии и нам пришлось спешно броситься туда.

«В это время новая преступная провокация получила распространение в Сухумском округе.

«Нам пришлось снятьея с Батумского фронта и направиться в сухумский поход.

«Мы еще ие успели окончательно ликвидировать Борчалихскую экспедицию, как на нас стали наступать большевики со стороны Душета. Душетские повстанцы заняли весь Душетский уезд, разбили наши регулярные отряды около Натахтари и подошли к Мнусту.

«Несмотря на то, что Душетские повстанцы получали подкрепление со отороны Владикавказа и вооружением, и солдатами, и артиллерией и пулеметами,—нам удалось окончательно и на голову разбить их. Я думаю,—это одна из наиболее славных, наиболее блестящих страниц истории нашей народной гвардии».

Вот как обстояло дело в Эльдорадо II Интернационала,—наиболее блестящие страницы его истории, по признанию самих грузинских меньшевиков—это победы над повстанцами, над рабочими и крестьянами, восстающими против социал-предателей!

От времени до времени, однако, в сердца меньшевиков закрадывалось сомнение—действительно ли они служат делу «демократии», расстреливая рабочих и крестьян? Г-да Джугели скоро подавляли эти угрызения совести. Джугели говорит далее в своем докладе:

«Несмотря на то, что мы всегда честно и решительно боролись с большевиками и разбивали их, каждый из нас,—и из руководителей, и из простых гвардейцев,—всегда чувствовал в душе своей некоторый разлад. Когда мы с оружием в руках шли против большевиков, в рядах которых были бывшие наши лучшие, задушевные товарищи, врядах которых сражались некоторые передовые тифлисские рабочие, конечно, каждому из гвардейцев приходилось тяжело и они убивали в себе великую боль и великую педаль, но все же шли на борьбу, ибо знали что этим спасается народное дело и дело революции».

По словам Джугели, «этих экспедиций (против большевиков) было слишком много и перечислить их, конечно, было бы слишком затруднительно. Я перечислил лишь основные походы». Просим сравнить это с цитированными выше словами Гегечкори, что его духанская «демократия осталась в стороне от гражданской войны»!

Джугели, поведав о расправах своих гвардейцев над народными массами Грузии и интернационала, кощунственно болтает притом об «интернационализме».

Но переходим к его дневнику.

Джугели утверждает, что в начале он сочувствовал большевикам. Под 5 ноября 1917 г. у него записано: «В Петербурге происходят грандиозные события, и я весь на их стороне».

Но по его словам «разгон Учредительного Собрания окончательно оторвал меня от зарвавшегося большевизма и я стал просто социал-демократом».

И начинается повесть о вооруженной борьбе против рабочих и крестьян Грузии.

Вот что пишет наш меньшевик 8 апреля 1918.

«Утром, мы развернутой колонной выступали на Инчухри и со всех сторон охватили эту бедную, горную деревню.

«Повстанцев не удалось захватить: они заблаговременно ретировались.

«В Инчхури мы созвали большой митинг.

«Я заблаговременно предупредил нашу артиллерию дать несколько выстрелов перелетов в момент открытия митинга. Не успел я взобраться на церковную изгородь для произнесения речи, как загрохотали выстрелы, и со злобным, яростным свистом пролетели над нами снаряды. Толпа шарахнулась и притаилась. Впечатление было огромное. Я быстро успокоил толпу»...

Нужно отдать должное грузинским меньшевикам,—они додумались до своеобразных методов митингования,—но подобна агитация не отдает демократизмом... Джугели и сам сознает, что дело не совсем ладно.

«Беда,—пишет он,—когда приходится прибегать к подобным импровизациям. Не счастье, когда идею обороны страны и резолюции приходится вдалбивать орудийными залпами... Народ в этом районе беден... И недоверчив... Он слушает нас, делает вид, что верит, дает обещания, но лишь для того, чтобы не выполнять их».

Только что Джугели собрался с своими Народогвардейцами воевать против Турции,—как его вновь перебрасывают «на внутренний фронт».

«Уже окончательно решено нам ехать в Кухум—отвоевать его у большевиков».

«Этот поход занимает меня сложностью приходящих обстоятельств и своей политической стороной. Придется вызвать большой такт, ибо население спровоцировано, а у большевиков есть пушки, пулеметы и много людей»...

Против грузинских повстанцев меньшевики комбинируют сухопутные и флотские операции. 7-го мая 1918 года Джугели пишет:

«Завтра начнем высаживать десант и приступим к активным операциям против сухумских хулиганов, (так называет бывший большевик восстающих против грузинских социал-предателей рабочих и крестьян). Надо будет действовать решительно. А ведь сколько моих бывших друзей среди них, сколько дорогих и светлых воспоминаний связано у меня с ними.

«Они называют меня палачом, ренегатом и даже провокатором».

Трудящиеся массами восставали против г. г. Жордания. Вот что пишет Джугели 14 мая.

«У большевиков на нашем фронте обнаружено около 10 орудий, много пулеметов и до двух тысяч штыков».

По признанию меньшевика, все симпатии населения на стороне восставших. 6 июля он пишет в своем дневнике:

«Крестьянство здесь нас встречает угрюмо. Очевидно, оно нас считает врагами».

Иногда на Джугели находят черные мысли,—он начинает как будто понимать, что лавры, добытые в войне с рабочими и крестьянами Грузии, приносят ему мало чести.

«Вам, сидящим теперь в тихом уюте своих мещанских очагов, наверно кажется, что нас пленяют лавры этих побед, что мы любим эти победы, — пишет он 14 июля. Но если бы вы знали, как я ненавижу эти победы, как стонет и страдает душа. И рыдает сердце. Окаменевшее сердце».

Но Джугели пытается утешить себя хорошими словами,—жалкими софизмами.

«Революция, демократия и социализм... жертв искупительных просят». Революция не праздник, а тяжелые, суровые и жестокие трудовые будни. Революция—путь к празднику. Светлый праздник еще впереди. И ради этого яркого, ликующего все человеческого праздника надо вынести всю тяжесть креста и примириться с кровью».

Так поют меньшевики, когда они истребляют рабочих и крестьян,—другое дело, когда русские пролетарии по-плебейски расправляются со своими эксплуататорами, — сюда Джугели кричат: «разбой, пожар!» Тут нарушение незыблемых принципов демократии, которые меньшевики утверждают массовыми расстрелами рабочих и крестьян...

«Ради целого, надо жертвовать частью; спасая общество, надо казнить преступных членов его. В этом трагическая, жестокая необходимость,—«с болью в сердце, но с глубоким убеждением» говорит Джугели. И так, меньшевики считают правомерной гражданскую войну, когда она сведется во имя ограждения власти буржуазии над трудящимися,—но для них она отлукавого, когда ее начинают рабочие и крестьяне для свержения капитала.

«Мы прилагаем все усилия, чтобы спасти революцию и все ее достижения»,—пишет Джугели о карательных экспедициях меньшевистской Грузии. Население стойко сопротивляется ландскнехтам демократии.

«Досада берет: осетины упорно не сдают оружия, — пишет Джугели 6 августа 1918 г. В деревнях остались женщины, дети и старики: вся вооруженная молодежь ушла в леса и горы. Местность здесь дикая, но красивая, население бедное, темное, некультурное. Деревни жалкие и грязные».

Читатель заметит, что «народогвардейцы» воюют все время с «бедным населением», — это обстоятельство не может быть случайным.

О «темных крестьянах» Мингрелии Джугели пишет 5 сентября 1918 г.

«Они искренно уверены, что своими анархическими выступлениями защищают интересы народа». По признанию Джугели меньшевистская администрация и армия сами толкают крестьян на восстание.

«Отсутствие хорошей честной администрации создает почву для анархии и волнует народ. Местных крестьян несколько притесняют молодые солдаты 12 полка, но этих мальчиков нельзя особенно винить, так как военное ведомство бросило их на произвол судьбы: они обтрепаны и голодны. А ведь деньги на них тратятся и много денег. Но эти деньги не доходят до назначения, они необслуживают солдат, а остаются где-то там, далеко в тылу, на первых ступенях».

Вот сценка с натуры, зарисованная Джугели 6 сентября 1918 г.

«Мы встретили молодую крестьянку. Она приняла нас за большевиков и была очень приветлива. Весело и энергично она поносила меньшевиков». 7 сентября в селе Давитлани, где «население настроено мирно», народогвардейцы «перед сном дали восемь орудийных выстрелов с высокими разрывами по трем направлениям и взбудоражили все кругом».

Я убедился, пишет Джугели, что в «гражданской войне» звуковые и световые эффекты имеют большую роль».

Однако, мы уже видели, что меньшевики отнюдь не ограничивались одними «эффектами» что они действовали по-военному...

Огнем и кровью подавив народное движение, меньшевик начинает мечтать о созидательной работе. 9 сентября 1918 г. он пишет: «Теперь нужна дружная, серьезная и творческая работа: нужно скорее и полнее проводить революцию в жизнь. Иначе революции угрожает величайшая опасность. Но нет этих серьезных творческих сил. Особенно в провинции.

«Местные товарищи в большинстве бесплодные смоковницы».

Итак, «успокоение» есть, но «реформ» не предвидится...

Пулеметы, артиллерия, картечь,—служат Джугели для борьбы с «анархией» излюбленными методами «демократического» воздействия.

Остатки революционной совести дают о себе знать—и Джугели успокоивает себя лживыми софизмами; «приходится быть суровым во имя демократии и свободы. Надо быть жестоким во имя справедливости. Надо быть преступным во имя революции». (11 сентября 1918 г.).

Итак, все дозволено во имя спасения буржуазного владыче-

ства! Говоря о штурме села Репи, Джугели не отрицает, что притеснения грузинских властей заставили крестьян восстать.

«Ведь здешний большевизм — в значительной степени — порождение безобразных и преступных действий отряда капитана Дундуа.

«Но некоторые репрессии мы все же должны применить, ибо слишком много преступников (читай большевиков В. Б.) нашло приют, и даже уют—в Репи» (14 сентября 1918 г.).

Волны восстания докатывались до самого Тифлиса.

«Пламя анархии в ту пору охватило весь Душетский уезд и повстанцы докатились до ст. Мцхет. Угрожала большая опасность самому Тифлису—этому сердцу революции. Повстанцы заняли Казбек, открыли дорогу владикавказским большевикам, разбили и истребили наши отряды. Повстанцы сознавали свою победу, чувствовали силу. Тифлис стал их лозунг».

Когда Джугели пытается пуститься в теоретические рассуждения, он видит неизбежность эксцессов в революции.

«В старой жизни элементы культуры так тесно переплетались с полным варварством и некультурностью, что совершенно невозможно вырвать это варварство, не задевая больно и некоторых элементов культуры», пишет он 19 сентября 1918 г.

Тем не менее большевизм для него сплошное варварство.

Неизбежность эвакуации Грузии германскими войсками после поражения центральных держав в мировой войне не на шутку тревожит нашего «революционера», — он боится, что еще сильнее подымет голову «анархия», как он называет рабоче-крестьянскую революцию. Он пишет 6 октября 1918 г.

«С уходом Германии у нас может начаться новая анархия, этот уход может окрылить наших многочисленных врагов, и у нас должно быть достаточно сил для борьбы с ними».

Собираясь на партийный с'езд грузинских с.-д. в ноябре 1918 г., Джугели говорит о националистической стихии, получившей преобладание у грузинских меньшевиков.

«Хочу повоевать с внутри партийным национализмом. А борьба необходима, ибо национализм начинает решительно проникать в нашу среду». (23 X 1918 г.).

31 X Джугели говорит о нападках буржуазии на народную гвардию—раздавив руками обманутой меньшевиками кучки рабочих рабоче-крестьянское движение в Грузии, буржуазия сказала: «мавр сделал свое дело, мавр может идти». Джугели «с гордостью» «раскрывает» «скрижали народной гвардии», восхваляя ее деятельность в борьбе с народом:

«Установление революционного (?) порядка в Тифлисе, взятие арсенала, поход на Гори, экспедиция в Душет обезоружение 8-го полка в Телаве, обезоружение 1 и 115 полков в Кутаисе. Садахло, обезоружение 1-го конного полка в Тифлисе, Пхиниали, Мингрелии, Ноганеби. Сухумский поход, борчалинская экспедиция. Лечхум, Ахалиц, душетский поход и черноморская экспедиция. Все

это сухое перечисление, но на этих названиях воздвигается история. Разве недостаточно этих названий, не говоря уже о каждодневной, незримой, нервной, но часто кровавой работы. Все это уже осталось в прошлом, и перечисленные названия для многих уже исчезли. И когда теперь те самые люди, которые в «смутные дни» готовы были целовать края одежды народогвардейцев, хотят забросить гвардию грязью,—мы знаем, что эта грязь к ней не пристанет».

* * *

Господа буржуа немного поторопились,—на долю меньшевистской белой гвардии, как мы узнаем из книги Джугели, придется еще много «кровавой работы»,—ибо рабочие и крестьяне Грузии не переставали ни минуту бороться против своих угнетателей, именующих себя «социал-демократами».

Затем начинается война между грузинскими меньшевиками и армянскими дашнакциканами,—и Джугели тут как тут, отстаивая «национальные» интересы грузинской буржуазии...

Выступает на сцену новый политический фактор—победоносные империалисты Согласия, заменившие и в Грузии империалистов германских.

27 декабря 1918 г. Джугели записывает:

«В начале союзники держали себя высокомерно. Они вообразили, что находятся в своих африканских колониях. Но наша демократия все сильнее заставляет их считаться с собой (?)».

Тифлисская учредилка не удовлетворяет даже нашего меньшевика,—он пишет:

«В парламенте скучно, нудно, грустно. Обсуждается вопрос о государственных праздниках и как-то странно, тоскливо слушать эти бесцветные, мертвые речи».

Затем Джугели переходит к повествованию о «войне с Деникиным»—тут грузинские социал-демократы, оказывается, проявили гораздо меньше энергии, чем в борьбе с внутренним врагом.

Полководцы независимой Грузии пляшут тут под дудку союзного командования,—которое они будто бы заставляют «считаться с собой».

12 февраля 1919 г. Джугели пишет:

«Сегодня к нам приезжал английский морской офицер. На контр-миноносце. Он осведомлялся о нас, о наших намерениях и просил не переходить в наступление. Вообще, поведение англичан очень странно. Чего они хотят?»—вопрошает наивный Джугели, не подозревая, что английские империалисты хотели и Деникина и Грузию использовать в борьбе против Советской России. Скоро однако надежды «социалистов» на английских «демократов» блекнут. 15 февраля Джугели пишет:

«В конце концов мы преодолеем все препятствия и прогоним черного противника, если только англичане не помешают нам. И какая ирония: мы надеялись, что эта великая демократия поможет

нам стать на свои собственные ноги... Но пока мы видим противоположное»...

Побывав в Тифлисе, повидав привольную жизнь буржуазии, Джугели вспоминает, наконец, что он тоже числится в социалистах и пишет:

«А главное, нужно произвести решительную встряску буржуазии... Мы слишком миндальничаем с ней» (31 марта, 1919 г.).

Но, как мы увидим далее, эти порывания меньшевиков остаются «благими порывами»,—но «свершить им ничего не дано».

Меньшевики решительны только тогда, когда дело шло о расстрелах рабочих и крестьян,—ни со своей, ни с чужой буржуазией они воевать не умеют. Война с Деникиным осталась пустой фразой.

12 декабря 1919 г. из-под пера вождя народогвардейцев вырывается ценное признание:

«В то время, когда большевики громят деникинцев, когда в Адлерском районе крестьяне с оружием в руках восстали против добровольцев, нам не позволяют ринуться в бой... И создается тяжелое, ложное положение. Мы слишком много церемонимся с добровольцами. С этими злейшими врагами революции, с этими палачами демократической России. И я не могу понять этой нашей осторожности, всех этих наших церемоний. Ведь еще не так давно мы более легко решали войну с большевиками, с армянами и татарами»?

Меньшевик обличает империалистские замашки мнимо социалистического правительства Грузии.

«Потом вспыхнула последняя война с татарами. И я здесь стоял за соглашение и уступки, но наши политики оказались решительнее меня, и они уже тянутся к Ардагану. Я это считаю чистейшим империализмом, и моя социалистическая совесть смущается этим... Но с Деникиным мы почему то должны церемониться и миндальничать»...

Но я чуть было не забыл Англию.

«Ведь она у нас поперек горла»...

Храбрые в войне против рабочих и крестьян Грузии, меньшевики становятся трусливы, как зайцы, когда дело идет об Антанте и ее вассалах...

Антантовская «демократия» начинает, однако, выпускать свои когти...

8 мая 1919 г. Джугели пишет:

«Генерал Мильн был в Екатеринодаре, виделся там с Деникиным: в Тифлисе же он демонстративно не захотел повидаться с одним представителем вашего правительства. Он очень зол на нас за наше наступление против Деникина и охотно устроит нам всякую пакость»...

И Джугели берет уже тоска по германском империализме.

«Я все чаще начинаю вспоминать немцев у нас. Я их не любил.

«Чуждался их и считал их врагами нашей демократии, но теперь убеждаюсь, что они вели у нас более честную и открытую

политику... Приходу же Англии и мы все обрадовались. Этот приход был связан со многими надеждами, с воскресающими мечтами. Но теперь приходится с грустью вспоминать немцев и разочаровываться в англичанах.

«Англия не только не замирила Закавказья, но окончательно возмутила его и в этом ее преступление».

А грузинские «социалисты» помогали ей в этом «преступлении».

У Джугели все чаще начинает попадаться то, что в психиатрии именуется lucid intervalla—светлые промежутки. Он, годы воюющий против большевиков, пишет 14 V 1919 г.

«Теперь в России единственная реальная революционная сила—большевизм, и поэтому успехам большевизма мы должны радоваться.

«В современной России положение борющегося большевизма равносильно поражению революции и социализма. Поэтому мы должны способствовать успехам большевизма».

Очевидно, для достижения этой цели г-да Джугели и искореняли огнем и мечом большевизм у себя дома...

Того же числа у него записано:

«Англичане уходят из Закавказья и на их смену приходят итальянцы—это, кажется, хороший симптом»...

* * *

24 мая Джугели вновь распаркивается перед большевизмом.

«Я с ужасом слежу за головокружительными успехами Колчака и страдаю от постоянных большевистских неудач...

«С гибелью большевизма в современной России погибнет революция, ибо нет уже третьей прогрессивной силы, которая могла бы сменить в России большевиков. Время потеряно и все сроки упущены—теперь в России лишь два пути: большевизм и добровольцы».

Под 24—V мы читаем:

«В Тифлисе очень чувствуется поправение, — сказал Сандро. И странно, верхи правеют, а низы левеют. Это очевидно потому, что верхам вообще лучше живется... министерствализм иногда получает неприятный привкус... Многие просто дрожат за свои насиженные места».

«Вот она социалистическая демократия» Грузии, приведшая в телячий восторг всех героев II Интернационала, этих современных аргонавтов, посетивших пламенную Колхиду в поисках золотого руна истинного социализма.

Грузинские демократы наивны до чрезвычайности,—они ждут спасения от новых варягов, которые идут на смену старым.

28—VI Джугели пишет:

«Скоро на смену англичанам приходят итальянцы. Это меня несколько радует, так как хочется верить, что итальянцы не станут продолжать у нас странно-преступной политики англичан».

Того же числа Джугели отмечает:

«А тут опять новое несчастье. Пробуждение и шевеление большевиков», в которых он только что видел представителей революции...

Работа самокритики все же идет своим чередом.

9—VII мы читаем:

«Часто думаю о власти и министрах. К сожалению, министериализм сильно развился у нас и для многих власть стала сладостной и дорогой».

13—VII по поводу неудавшейся попытки подчинения народной гвардии военному министерству, а следовательно, фактически генералитету и военной касте Джугели «кажется, что мещанство начинает заедать нас. Мещане постепенно начинают овладевать нашей фракцией и даже государством. Мещанин начинает торжествовать». Грузинский меньшевик в этих словах признает правильность нашего анализа их социализма, — как идеологии мелко-буржуазной, мещанской демократии!

Утлому челну меньшевистской Грузии грозят все новые беды.

Под 3—VIII у Джугели записано: «итальянцы уже не едут в Закавказье, а англичане хотят 15-го уехать отсюда. Это совершенно оголяет нас и создает для нас величайшие опасности». Вспомним, что всего несколько дней тому назад Джугели с тревогой говорил о возрождении большевизма...

«Поэтому 1-го августа было заседание Правительства и решено убедить англичан не покидать Закавказье.

«Английские штыки — последняя надежда грузинских социалистов...

В конце 1919 г. грузинские меньшевики который раз приступают к «ликвидации внутреннего воинствующего большевизма», который, однако, после каждого поражения возрождается вновь и вновь, как феникс из под пепла.

10—XI Джугели пишет:

«В Ландхутах захвачено около ста повстанцев с оружием и бомбами, в Супсах около сорока. Чохатаури еще вчера был в руках повстанцев, но из всех концов Гурии и Самтрудии двинута туда гвардия и она проучит бандитов», под которыми меньшевик разумеет восставших рабочих и крестьян.

23—XII Джугели с удовлетворением констатирует, что «анархо-хулиганские выступления всюду ликвидированы и некоторые виновники казнены.

«Сегодня я слушал «Тоску» и думал о казненных. Было тяжело и страшно.

Но нет иного пути. На этой преступной крови вырастает свобода и на их могилах воздвигается счастье народа. Я верю в это и потому приемлю кровь».

Как видим, меньшевики придерживаются своеобразной морали бетокудов, которые, как известно, рассуждают так: если я взял жену у соседа, это хорошо, если он взял у меня, — худо... Если меньшевики расстреливают рабочих и крестьян, восстающих против их гнета, это защита революции, если большевики для защиты власти рабочих и крестьян проливают кровь помещиков, капиталистов и их холопов из социалистического лагеря,—это преступление.

Когда идет борьба между революцией и генеральской реакцией, меньшевики «нейтральны»,—они умывают руки.

10/I 1920 г. Джугели пишет:

«Большевики предлагают нам военный союз против Деникина. Но мы не вмешиваемся в грандиозную, гражданскую российскую войну, мы нейтральная демократия».

Да, помочь русским рабочим против Деникина, как это так! От одной этой мысли «интернационалиста» Джугели мороз подирает по коже.

Грузинская социал-демократия падает все ниже и ниже. 15/I 1920 г. мы читаем:

«Обманули надежды... Социал-демократическая фракция отклонила восстановление красного знамени на дворце. Этим она отклонила красное знамя»... 16/I Джугели раз'ясняет:

«Это знамя было символом продолжающейся революции. Оно было нашей революционной мечтой, нашей конечной надеждой. Но знамя было сорвано, и мечта бесжалостно убита. И не национал-демократии, а социал-демократами. Некоторыми с.-д... Позор.

«И красное знамя заменили национальным знаменем. Итак, они враждебно противопоставили два знамени. Неужели они хотят этой вражды. Пусть так. В конце-концов победит красное знамя, знамя революции и социализма. У меня развязываются руки. И от многих отворачиваюсь я».

Последние слова являются однако бессильной фрондой. Как мы сейчас увидим, Джугели не отказывается продолжать свое кровавое дело.

Джугели радуется ужасам поляков весной 1920 г.

«Это облегчает наше положение, это усиливает нас»,—пишет он 4/V.

«Поляки уже заняли Киев, они гонят большевиков и это благоприятствует нам. Я верю в мир, но предварительно мы должны проучить Азербейджан»,—заносит он в записную книжку 7/V.

10/V Джугели ликует по случаю мира с Советской Россией.

«Она отказалась в пользу Грузии от Батумской области и Закатальского округа. Кажется наступают мирные, счастливые времена».

13/V 1920 г. Джугели в который раз возмущается привольной жизнью тифлисских буржуа, которых он сам защищал от натиска большевиков.

«Я ненавижу сейчас пресыщенных и самодовольных мещан, сидящих в эту ночь в шумных ресторанах и театрах. Нет, за этих паразитов надо котда-нибудь энергично взяться. Они едят, много пьют, рассуждают о патриотизме и любви к отечеству, но совершенно бесчувственны к судьбам страны и не приносят ей никаких жертв».

Взялись за этих паразитов, конечно, не господа Джугели, а грузинские большевики.

* * *

В июне месяце наш Мальбрук отправляется в новый поход— на этот раз, против осетинской бедноты.

«Большевики, жалуется Джугели 8 февраля 1920 г., теперь подняли преступное восстание в южной Осетии, и Владикавказ помогает этому восстанию».

«Нам уже надоели эти бесконечные восстания. И мы решительно отобьем у южно-осетинских банд всякую охоту к вооруженному импрессионизму. Вся наша демократия и все ответственные товарищи негодуют на осетинских повстанцев». (9/VI).

Одно обстоятельство печалит нашего социалиста—союзники все-таки ушли, оставив грузинских меньшевиков на произвол судьбы.

«Но уход союзников из Батума не особенно радует меня—это Европа отрывается от нас и мы вновь остаемся с Азией». (16/XI). Джугели не решается сказать—с большевиками.

Между тем гвардейцы Джугели предают села и нивы Осетии огню и пожарам.

«Но среди гвардейцев страшное раздражение против неусыпных наших врагов и потому уже сгорело несколько домов. Теперь ночь. И всюду видны огни... Это горят дома повстанцев... Но я уже привы и смотрю на это почти спокойно, скрепя сердце». (12/VI).

13/VI Джугели вновь пытается успокоить себя.

«Всюду вокруг нас горят осетинские деревни. Ужасная расправа, но иного пути нет. Мы не могли найти. И никто не мог его найти. Надо было или подавить восстание, и спасти нашу демократию, или погубить нашу демократию и дать торжество кровавой Вандее. И мы без колебания сделали выбор. Ибо мы уже устали от слов, от увещеваний, от просьб. Мы уже два раза были мягки, гуманны, снисходительны».

Ныне Джугели действует артиллерией. Он кощунствует, призывая всуе имя пролетариата и социализма.

«В интересах борющегося класса, в интересах грядущего социализма мы будем жестоки. Да, будем. Я уже скрепил сердце. Я со спокойной душою и с чистою совестью смотрю на пепелища и клубы дыма. Я сдерживаю, я убиваю боль сердца, я заглушаю скорбь души и я совершенно спокоен. Да, спокоен».

Но не был спокоен грузинский народ, пока у власти еще находились господа Джугели, обагрившие руки в его крови.

Вечером того же дня Джугели пишет опять:

«Горят огни. Дома горят...

«С огнем и мечем...

И на другой день 14/VI утром:

«А огни горят и горят»...

Ночью 14/VI Джугели пишет опять:

«Но теперь всюду огни... Горят и горят... Зловещие огни»...

«А огни горят... Всюду горят»...

И только 15 июня, спалив революционную Осетию, меньшевистское начальство надумало созвать всех командиров частей и членов штабов и поставить «вопрос о поджогах и мародерстве.

Единогласно решили прекратить пожары, уничтожить мародерство и установить строгий порядок».

В Осетии, по его словам, повстанцы:

«Эти банды жестоко поплатились, и южно-осетинская Вандея будет долго помнить эту несчастную войну».

Мы не должны удивляться, что восстанию южно-осетинской бедноты меньшевик дает название Вандеи,—реакционного возмущения, руководимого дворянством, темного крестьянства Бретани против благодетельной для него французской революции конца XVIII века... Ведь и русскую рабоче-крестьянскую революцию господа меньшевики именуют не иначе, как контр-революцией!

Грузинские демократы понимают, что с севера—от русских рабочих и крестьян им не грозит опасности, но сами не думают о разоружении.

«Кажется, большевики больше не двинутся на нас. Хочется верить в это. Но мы тем усиленнее готовимся к войне. Мы хотим мира (?) и готовы к войне».

16 июня Джугели пишет:

«В своем святом одиночестве ярче чувствую всю необходимость общественной жестокости. В интересах целого надо жертвовать частью»...

Весь вопрос в том, каково то целое, в интересах которого приносится в жертву часть,—в Советской России это рабочие и крестьяне,—им в жертву приносятся интересы помещиков и капиталистов, а если нужно, то и их жизнь,—в Грузии это эксплуататорские классы...

Тогда же Джугели делает крайне важное признание,—оказывается меньшевистская республика, занятая борьбой с внутренним врагом, за два года своего существования ни шагу не сделала не только к социальной революции, но даже и в области социальной реформы.

«Мы должны,—пишет Джугели,—встряхнуть общество, мы обязаны довольно резко поставить основные социальные вопросы. Поставить во весь рост. Принципы социализации, а не коммунизма, должны найти широкое поле у нас. И государство обязано стать на путь широчайших социальных реформ».

Очевидно, до тех пор в меньшевистской республике, так восхитившей господ Вандервельде, в этом отношении ничего не было сделано.

«Теперь нам нужно многое договорить и еще больше сделать. Во главу угла нашего строительства мы должны поставить интересы трудящихся масс и все нужно приносить в жертву этим интересам».

До сих пор, значит, интересы этих масс не стояли на первом плане...

Джугели заключает свою книгу знакомыми нам мотивами,—оправданием белого террора.

«Слишком тяжело строить новое государство. Огнем, кровью,

железом и слезами строится оно. Но иного пути нет. К несчастью и к ужасу—нет»...

В «послесловии» меньшевик возвращается к тому «тяжелому кресту», каким для него была вооруженная защита интересов демократии. «Это очень почетное, тяжелое, святое и преступное дело. Революцию нельзя делать в лайковых перчатках. Часто грязнятся не только руки, но и душа»...

«Душа» господ Джугели загрязнилась,—ибо он делал не революцию, а контр-революцию,—делал каинову работу удушения рвущихся к новой, свободной жизни трудящихся масс!

Джугели—бывший большевик. И с ревностью ренегата он расстреливает своих вчерашних товарищей, дерущихся в рядах повстанцев.

* * *

Книга Джугели охватывает более двух с половиной лет. Почти на другой день после провозглашения независимости Грузии ее меньшевистскому правительству пришлось направить свою белую гвардию для подавления на вспыхивавших во всех концах страны—на севере, на юге, на западе и на востоке—народных восстаний. Почти все два с половиной года «народная гвардия» находилась под ружьем, расстреливая рабочих и крестьян, огнем и мечем насаждая евангилие демократизма.

Книга Джугели, этот высокой ценности аутентический источник, является, таким образом, лучшим коментарием к практике грузинской демократии, этой красы и гордости второго интернационала. Практика демократии, как видим, возводит в принцип гражданскую войну, но гражданскую войну, обращенную не против помещиков и капиталистов, как то было в России, а направленную своим острием против рабочих и крестьян, борющихся за свое освобождение от ига помещиков и капиталистов.

В германской литературе мы имеем нечто подобное книжке Джугели, это вышедшая в 1920 году книга знаменитого Носке «Von Kiel bis Kapp», где палач немецкого пролетариата с эпическим спокойствием повествует о своей кровавой расправе с революционными германскими рабочими, о том, как на протяжении полутора лет от начала германской революции в ноябре 1918 года до Кавказского восстания в марте 1920 года он спасал власть буржуазии, железом и кровью утверждая в Германии диктатуру капитала. Небольшое отличие книжки Джугели от писаний Носке заключается в том, что Джугели иногда обуревают угрызения совести, что время от времени перед ним встает в ее подлинном свете та грозная, палачская работа кровавого подавления народных масс, которую он взял на себя,—но эти минуты приходят не надолго. Джугели умеет себя успокаивать словами о необходимости цементировать революцию кровью. У Носке, прибавим мы, такого раздвоения нет и в помине. Не зная ни сомнений, ни колебаний, он шел с на-

чала до конца по своему пути расправы с революционным рабочим классом.

* * *

Книга Джугели ценна и в том отношении, что она дает подлинную картину меньшевистской Грузии, этой обетованной страны героев II интернационала, которую, как воплощение демократических методов, они противопоставили Советской России, этой стране, где проводится в жизнь практика пролетарской диктатуры. Господа Жордания и Гогечкори в августе 1920 года восхваляли перед своими высокими гостями, бельгийским министром Вандервельде и компанией, Грузию, как страну безмятежного социального мира, не знающую ужасов гражданской войны.

Свидетельство меньшевика показывает нам, что их уверения были ложью, что грузинская социалистическая демократия держалась лишь непримиримой гражданской войной, но не гражданской войной не против эксплуататоров, как то было в Советской России, а беспощадным подавлением угнетенных и эксплуатируемых масс, которые не мирятся с цепями капиталистического рабства и беспрестанно делают все новые и новые попытки сбросить с себя ярмо помещика и фабриканта.

Из книги Джугели вытекает и другой, крайне ценный, вывод. Она показывает, что правительство меньшевистской Грузии танцовало на вулкане, что его власть подтачивалась непрерывными восстаниями рабочих и крестьянских масс, что превращение Грузии в Советскую Республику, в подлинную демократию—демократию уже не для помещиков и капиталистов, а для рабочих и крестьян—явилось неизбежным результатом нараставшего в Грузии революционного массового движения, а не делом российской красной армии, как это утверждают гастролирующие ныне по Европе с целью подготовки новой интервенции меньшевики, экс-министры Грузии.

Это мы уже давно знали от наших товарищей, грузинских коммунистов. Теперь их показания, их прогноз полностью подтверждены свидетельством грузинского меньшевика, заплечных дел мастера грузинского пролетариата и крестьянства, вождя народной гвардии, штыками ограждавшей правительство грузинских социал-демократов от гнева народных масс. Грузия неизбежно должна была стать советской республикой—вот вывод, неотразимо вытекающий из книги Джугели.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

ORNL-56358

ОИК-56358

Цена 2.500 руб.

2 р. 50 к.